

Проза
Николай Лугинов

В преддверии перемен (Повесть третья)

1. Ночные кошмары Турара

Ему снился мучительно долгий, показавшийся бесконечным сон. Вроде бы и понимал, что это сон, и терпеливо ожидал, что скоро, как только удастся проснуться, исчезнет этот давящий, удушающий туман, из-за которого ему не хватает воздуха. Ждал, что вот-вот проснется и тогда сможет вздохнуть полной грудью. Но сон всё продолжался. Зажатый со всех сторон пространством какого-то небытия, он с каждым мгновением все труднее дышал. И собрав последние силы, ему удалось вроде бы вырваться из этих тисков, устремиться прочь и, казалось, спастись наконец - если бы он не провалился неожиданно в некую пропасть и стал падать в неё бесконечно долго, набирая и набирая скорость, пока не засвистело в ушах...

Наконец, он достиг дна, упал. Приземлившись довольно мягко на неприятное склизкое дно и, выбираясь на взгорок, запутался в высоких цепких кустарниках. И только прорвался сквозь них и попытался оглядеться, куда попал, как на него набросился огромный неведомый зверь с разверстой пастью...

В последний миг - а чаще всего так и случается во сне - он сумел увернуться, опередив хищника всего на мгновение, нырнул назад в густые кусты. И несколько раз, как только пытался он высунуть голову, тут же нападала эта мерзкая пасть.

А вокруг него был какой-то отвратительный в человеческом понимании мир: смрадный запах витал повсюду, и все было словно вымазано густой жижей, похожей на слизь... И в эту минуту он понял, вдобавок, что каким-то неведомым образом у него пропала память. Как ни старался, но вспомнить не мог не только, кто он такой был в оставленном им верхнем божьем мире, когда заснул, но и что такое сам тот мир. И потому испытывал необъяснимый, прямо-таки животный страх, пробирающий до мозга костей, до каждой клеточки тела, взявшегося такой дрожью, что не мог даже губы свести.

Это было чем-то вроде мучительного ожидания неминуемой смерти среди какой-то бесовской разноголосицы из хрипов, рычаний и завываний, несущейся отовсюду, - и вдруг всё это прервалось человеческой речью.

– Кто ты? – спросил неведомо откуда грозный голос.

Ошеломлённый и страхом, и этим неожиданным голосом, он не знал, что ответить. «Я не... не помню ничего... не знаю...» – наконец выдал он из себя, обрадовавшись одному тому уже, что понял слова, что не только понимает, но даже стал владеть человеческой этой речью.

– Ну, что скажешь всё же? Кто ты такой, отвечай четко и ясно!

– Я, кажется, человек... да, если понимаю вашу речь, – стал оглядываться он по сторонам, пытаясь увидеть того, кто говорил с ним, но никого не обнаружил в мутной тьме. А тот же раскатистый голос словно бы усмехнулся:

– Смотри, он всё ещё рассуждает, хотя ничего и не помнит. Это неплохо.

– Рано радуешься! Если он придет в себя, то еще неизвестно, до чего в итоге дорассуждается, – возразил ему другой, скрипучий и с присвистом голос, принадлежавший, похоже, старику.

– Да куда он не денется. Надо будет – образумим, найдем на него такие беды, что не скоро оправится.

– А ему всё нипочём, видно же, насколько он живучий. Дело в том, что, спасаясь от очередной беды, он становится не только еще сильнее и крепче, но и хитрее, изворотливее...

– Ну и что тогда ты предлагаешь?

– Если хочешь побыстрее распознать его истинную суть, то дай ему не просто силу, но преимущество над другими, превосходство во всём – и он тут же выкажет все качества, дремлющие в нём до поры. Тогда и увидишь его истинную натуру.

– Хорошо, так тому и быть... – ответил раскатистый голос своему собеседнику и обратился к Турару:

– Эй ты, мыслитель, выйди из кустов, приведи себя в порядок и умойся, а то ты похож на посланца Аджарая¹...

– А выходить разве... не опасно? Не съедят меня ваши хищники?

Раскатистый гром пробежал по небу: это невидимые собеседники рассмеялись над его словами.

– Не бойся, те страшилища давно съели друг друга. Теперь главный хищник здесь – ты. Так что перестань дрожать от страха и живи вольно. Но знай меру. Отныне знай, что самый беспощадный и безжалостный твой враг – ты сам. И впредь следи за своими помыслами, ибо за ними неотступно следуют твои деяния. С этого дня погубить себя можешь только ты сам. Запомни: главный твой враг – ты!

– Да-да... запомню, – ответил он, хотя, если честно, так ничего в этом и не понял.

С этим и проснулся сёгун, не сразу осознав, где он.

Он так глубоко ушел в сон, так сильно впал в его беспамятство, что, очнувшись, никак не мог прийти в себя. Даже увидев напротив себя в вышине круглое светящее отверстие, не мог понять, что это такое. Пришлось долго приглядываться, чтобы понять, что это «ураа» – верхняя отдушина урасы.

И следом сразу вспомнилось, что и до сна, и сейчас он был и есть человек, принадлежащий к самому грозному народу в поднебесье – хуннам. А это ведь и в самом деле можно счесть за великую удачу, если посмотреть на иные страны и племена, на их чаще всего подневольное, полурабское существование, привязанное к клочкам возделанной земли.

Нет, жить на степном раздолье и по своей воле – такая удача выпадает мало кому!

Но не забыл он и о том, как только что в странном своём сне впервые испытал неведомое ему в здешней жизни – позорное, постыдное чувство животного именно страха, от которого руки-ноги трясутся... Как всякому воину, наверное, ему известен и не раз испытан страх человеческий: поступить в бою не так, как надо, уронить честь, потерять лицо. Но чтобы до такого, животного...

¹Аджарай – Сатана.

И теперь он с огромным облегчением вздохнул полной грудью... да, какое же великое счастье жить в безопасности, когда ничто и никто тебе и твоему народу не угрожает!..

Но тут же вспомнились, всплыли из только что пережитого сна слова: кроме себя самого врагов у тебя нет...

И как это понять? Значит ли это, что отныне он всемогущий и что ему некого опасаться? Хорошо, если это так. С самим собой всегда можно договориться, лишь бы опасности извне не было.

И всё-таки оказалось, что испытанный страх не полностью покинул его, память о нём притаилась в каких-то неизвестных ему прежде закоулках души. И он сейчас отчетливо ощутил присутствие этого чуждого ему чувства.

А ведь животного страха перед смертью для хунна как бы не существует, так он создан всем сочетанием обычаев, обрядов, древних традиций. Все прежние почти безнадежные обстоятельства в жизни, в каких довелось быть, он помнил отчетливо. Бывало, что в бою хунн оказывался перед несравненно превосходящим по силам противником - и тогда в эти минуты в нем вместо страха и паники просыпалась непонятная другим бравада, некий безрассудный кураж, и он, сразив первого врага, кричит: «О, удача! Наконец-то я нашел долгожданную постель! Следующий же станет мне подушкой, а уж третий - такова воля Тэнгри – саваном! А ну подходи, смелее! Ну, кто следующий?!..»

И часто на врагов нападала такая оторопь, что, ошарашенные неукротимостью хуннского духа, они в замешательстве расступались, а иногда и вовсе обращались в бегство.

Что ни говори, а после ухода в паломничество внука Акола жизнь старика как-то расстроилась. Никогда прежде он и подумать не мог, что такой пусть необычный, конечно, но востребованный свыше поход одного из многих внуков вызовет в его жизни столько перемен: стал совсем беспокойным, вроде вчерашнего, сон, пропал аппетит. Да и что там еда – вкус жизни заметно поубавился. От этого возникшего в каждом внутреннем беспокойства и во всем стане их семьи поселился явный дух тревоги, отчего не находишь себе места в ожидании чего-то недоброго, в постоянных вздохах, гаданиях и нервных разговорах жён всё о том же: почему нет очередного гонца и не послать ли туда ещё арбан... Эта неизвестность, полное молчание со стороны Сары Кумов и угнетала больше всего.

Впервые почувствовал он, что с таким трудом годами, десятилетиями обретаемый полезный жизненный опыт в одночасье может оказаться дурным, отнюдь не приносящим доброе подарком... Потому что, опираясь на свои знания, он почти наверняка знает, что скорее всего случится завтра с его внуком, а соответственно и с ним самим. Опыт, в непреходящее значение которого он еще недавно верил безоговорочно, почти лишил его надежды на благоприятный исход предпринятого внуком путешествия. Всё твердило только об одном: на чудо надежды в этом случае нет... Уж кто-кто, а он-то за столько лет службы сполна убедился, что чудес в жизни не бывает. Это глупый самообман для женщин и недалёких людей.

Как ни крути, а опыт говорил, что верная гибель внука неотвратимо приближалась... И все свои силы сегуну пришлось пустить на то, чтобы принять столь

печальное предположение как данность, которую он никак не должен допустить. И мысль его работала, как потом оказалось, в том же направлении, как и у его незаменимого помощника и друга У Хуана. А потому его предложение он принял и понял с полуслова.

2. Как быть? Лучше не вмешиваться

Когда сёгун Турар по совету У Хуана попросил саархаана на лето отпустить его с небольшим отрядом, чтобы вернуть наконец в подчинение неразумных соседей в Саратае, а заодно разведать обстановку на западных окраинах, тот, как всегда помедлив с ответом, уточнил:

- С небольшим - это сколько?
- Ну, два неполных мегена и с ограниченным обозом. Думаю, управимся.
- Хотя мне и неуютно будет без сегуна, - сказал саархаан, проницательно взглянув на него, - но, понимая твое беспокойство о судьбе внука – разрешаю... Бери три мегена.
- Зачем так много? – удивился Турар: обычно в таких случаях сил давалось меньше, чем запрошено.
- У меня будет к тебе две просьбы, – словно не заметив вопроса, продолжил саархаан.
- Слушаю и повинуюсь... – тут же поправился он, поняв свою ошибку.
- Прошу сделать крюк – взять южнее, выйти к подножию Алашаня и малыми отрядами разведать состояние сил и положение, какое сложилось в землях нашего великого китайского соседа. По обрывочным сведениям, у них не просто неспокойно, а все еще продолжается военные противостояния нескольких царств, когда они рассорились десяток лет назад. Надо бы уточнить ситуацию.
- Это же хорошо. Пусть грызутся и дальше.
- Так-то оно так... Но лучше настороже быть, – многозначительно вздохнул правитель. – Неизвестно, чем это отзовется для нас, когда вместо шести малых царств образуются один или два мощных ила.
- Вы думаете, это возможно? – удивленно воскликнул Турар.
- Почему бы и нет? Народу у них много, земли обширные и богатые. Восстановиться они смогут очень быстро, если воевать друг с другом перестанут.
- Пожалуй... Тогда стоит и нам задуматься. Может, вмешаться, стравить их дополнительно? – простодушно предложил сегун.
- Никоим образом! Все наши вмешательства в прежние времена оборачивались скорее против нас.
- Значит, надо всего-навсего вмешиваться с умом, с оглядкой...
- По мне так лучше совсем отстраниться. Мы никогда не поймем сути их противостояний. А раз так – зачем наживать лишних врагов? Лучше наблюдать со стороны, причем издалека, не давая знать о себе... Это первое поручение. Второе я сообщу позже, через сорук уола³.

³Сорук уол – порученец.

Обычно в обсуждении дел на Военном совете последнее слово оставалось за старым сёгуном, в возрасте и опыте с ним никто не мог поспорить. А вот в делах общегосударственных сравнительно молодой саархаан оказывался явно мудрее многих старых своих советников, включая и Турара. Что ж, так оно и должно быть, и хорошо!.. С таким правителем не пропадешь.

Управлять Хуннским илом – дело куда как непростое. Надо денно и ночью порой решать невообразимое для обычного смертного количество государственных вопросов, чтобы тем самым не запустить дела, не превратить временные мелкие трудности в хроническую головную боль. Ему было понятно, почему саархаан почти полностью отстранился от армейских дел, целиком возложив их на сегуна. Зря он обижался порой на саархаана за кажущееся равнодушие к армии. Он давно должен был понять, признав свою неправоту, что армейские дела решаются много проще гражданских, где житейские, бытовые, государственные и многие другие сложности переплетены в единый клубок. Попробуй распутать и не нарушить чьи-то личностные, родственные и родовые интересы в огромном и разнохарактерном народе.

Всё-таки саархаан Усуман – удивительный человек. Вот уже семнадцать лет он тихо, мирно и без всяких заметных распрей правит Хуннской империей. Многие его считают слишком осторожным, а кто-то даже и слабым правителем. А на самом деле он просто очень разумный. Особенно раздражала многих его медлительность, но всё потому, что он любые решения принимал, основываясь не на чувствах, а досконально, разносторонне изучив дело. Вот и теперь он заранее пытается получше узнать о продолжающемся у китайцев раздоре, чтобы успеть подготовиться к его результатам или хотя бы не подтолкнуть своими необдуманными действиями неблагоприятное его развитие.

Со стороны и правда непонятно, отчего вдруг так неожиданно передрались до того худо-бедно уживавшиеся друг с другом китайские государи. Что могло произойти, чтобы однажды начав воевать, они никак не могут остановиться? О причинах их противостояний ничего толком неизвестно, и кто там прав, кто виноват – мы не знаем. И если так, то не можем оценить свою выгоду в этом или убыток, а это значит, что незачем и вмешиваться. Потому что никто не может предсказать, чем такое вмешательство обернется в будущем. Саархаан прав, говоря, что раньше мы привыкли везде, где надо и не надо, проявлять свою волю, и это часто не приносило нам никакой пользы. А это значит, что от такой «активности» вреда было куда больше, чем от бездействия хуннов.

Признаться, излишняя самоуверенность – одна из главных черт хуннского характера. Поэтому мы и процветаем при спокойном и рассудительном правлении Усумана. А бывало и наоборот – да хотя бы, например, при Саламане, младшем брате Усумана. Тогда повышенная «боевитость» неминуемо навлекала немалые беды на весь народ, эхо которых далеко не сразу утихает, рассеивается...

Поворотные моменты всегда надолго остаются в памяти. Потому и незабываема неожиданная смерть саархаана Абылхая. До сих пор ходят о ней разговоры, предположения и споры, хотя погиб он почти два десятка лет назад.

Тогда придворный родовитый клан в нарушение многовековой традиции по каким-то своим соображениям вместо законного наследника выдвинул в саархааны семнадцатилетнего Саламана. И быть бы беде – внутренней распре, но, к счастью, благоразумный Усуман не стал предъявлять никаких наследственных притязаний. Саламан же, только что сев на трон, сразу же по-молодецки отстранил всех опытных

советников, приведших его к власти, с готовностью принял и отставку старого сегуна Турара, назначив вместо отца – сына, своего ровесника и друга, семнадцатилетнего Арслана. Турар же и в обиде был, и радовался одновременно... странная эта штука – человеческая натура.

Юноши, получив неограниченную власть, сразу развили бурную деятельность. За неполных пять месяцев провели несколько крупных и не сказать чтобы удачных походов, тяжёлые последствия которых сказываются до сих пор. Мальчишки в одночасье разрушили хрупкий мир, который огромными усилиями и терпением предшественников сохранялся столько лет.

Наверное, позже они бы образумились и принялись исправлять свои ошибки, но этого не случилось – смерть прервала их ретивые наскоки на устоявшиеся традиции и на опыт старших поколений вместе с их юными жизнями.

После брата нехотя, вынужденно сел на трон Усуман. Он сразу отозвал из скоропалительной отставки Турара, упросив его год-другой послужить, пока всё не приведёт в порядок, и эта «временная» служба длится до сих пор. Уже и родившийся в год гибели отца Бабыр дослужился до генеральского чина, а дед его всё тянет воинскую лямку, время от времени получая от саархаана обещание вот-вот отпустить Турара на покой. Но что-то не видно его впереди, долгожданного покоя...

3. Междоусобица у соседей

О государственных раздорах внутри огромного Китая можно было услышать всякие мнения. Известно лишь, что началось у них это давно. Хунны в те годы относились к внутренним смутам соседей довольно отстраненно, если не совсем равнодушно. Как сказал тогда саархаан своему командующему:

– Пусть грызутся между собой, меньше будут вступать в наши дела.

– Может, надо бы помочь тем, кто хочет с нами торговать, налаживать более тесные связи?

– Если исходить из высшей стратегической цели, - усмехнулся саархаан, - то надо бы им всем поочередно помогать, чтобы они измотали, довели друг друга до окончательной разрухи, после которой не оправились бы никогда... Но это для нас очень накладно, да и вряд ли по силам.

– Конечно, иметь слабого соседа выгодно. Но ведь и контрибуции военной, дани с него много не возьмёшь...

– А потому не будем вмешиваться, пусть всё идет естественным путём. Пока всё это нас устраивает. Пусть приходят в себя, богатеют...

– А если в самом деле разбогатеют? Богатство – это сила, а всякая сила опасна для соседей, - сомневался сёгун. Вообще, всякие изменения силы влекут за собой новые отношения, думал он, которые надо снова выстраивать: заново договариваться, находить общие интересы, а это сложно, такие дела быстро не делаются. И очень часто к правильным решениям приходится идти через военные столкновения – и хорошо ещё, если мелкие, быстро всё разрешающие.

Жаль, что не разумное слово мудрых переговорщиков становится решающим доводом, а чаще лишь дурная воля, опирающаяся на мощь армии. Вроде бы всё можно решать достаточно просто и полюбовно, без жертв и разорений, была бы добрая воля.

Взвесь все «за» и «против», заранее прикинь силы свои и противника, рассчитай взаимные потери... Нет, обязательно всё доводится до крайности, и война становится неизбежна.

И столько раз так было, что, видно, и впредь человечество вряд ли образумится.

Мы – старые, доживающие свой век - скоро оставим этот мир и уйдем. Но какой мир достанется нашим потомкам после многочисленных распрей, затеянных нами? Мысли эти одновременно и печалят, и страшат – до бессилия что-либо изменить, до безнадёжности.

С этим неведомым прежде чувством Турар познакомился после того жутковатого сна, в котором он попал в какие-то, казалось, доисторические, изначальные времена с жестокими нравами, когда человек еще не выделился из животного мира и не стал мыслящим существом. В том мире выживал только тот, кто успел убежать и спрятаться в густых зарослях - или смог выгадать миг и первым схватить за горло врага...

Прошло очень много времени, пока человек окончательно вышел из животного мира, встав во главе всего живого. Но если вдуматься, что изменилось? Опять – соперничество, беспощадная борьба за лучшие земли и за всяческую добычу ведется любыми возможными средствами, под прикрытием якобы благих семейных, родовых и государственных намерений. Но вот последствия этого сейчас куда ужаснее, чем в те времена, когда кто-то кого-то просто съедал. За великими войнами обязательно наступает великая разруха, грядут голод и тысячи других несчастий. А главное, они приводят к огромному количеству неизбежных человеческих жертв.

И как жить в этом грозном мире человеку, не принадлежащему к народу хуннов, – народу, заслуженно считающемуся сильнейшим «двуногим хищником»?

«А не зря ли и мы кичимся якобы вечным превосходством над своими соседями? На деле так ли незыблемо это превосходство? Оно зиждется всего лишь на лошадиной силе, на веками совершенствующемся умении выращивать скотину в благоухающих зелеными травами степях и в тенистых предгорьях. И случись многолетняя засуха или несколько лет подряд суровая снежная зима, джут, бескормица – страшная беда обрушится и на хуннов. Вмиг обессилят они от падежа скота и неурожая...

И мы в одночасье останемся пешими, утерев все своё боевое превосходство. Нас тут же потеснят, а потом и сомнут соседи-противники. Не зря же ходит в народе горькая и очень емкая присказка: «Пеший хунн – пропащий...»

Так что насчет хуннского превосходства можно однозначно сказать лишь одно: оно незыблемо, но, в действительности, это величие покоится на зыбких ножках степных трав...»

Сёгун был очень доволен тем, что с подачи У Хуана они нашли подходящий предлог отправиться в этот поход и сумели убедить саархаана в его необходимости. После разведки обстановки в Китае отряд направится на запад к Куньлуню и в Саратай, получив возможность проследить путь паломников. У Хуан, кажется, не меньше деда переживал за своего воспитанника, с этим удивительным мальчиком у него сложились особые отношения. И так получилось, что теперь китаец впервые после пленения приблизился к границам своей родины, оказавшись всего-то на расстоянии десяти кес от северо-западной излучины Хуанхэ...

Когда из поисков вглубь китайских царств стали возвращаться засланные разведывательные группы, он отдельно и самым подробным образом расспросил каждого

участника вылазок. На взгляд непосвящённых, незнающих поставленной задачи, У Хуан выпрашивал у лазутчиков, казалось бы, о самых незначительных, второстепенных вещах, которые подчас говорили об очень значимых моментах внутреннего положения в Китае. Благодаря изначальным знаниям жизни в нём, а также своей дотошности в анализе всех поступающих новых сведений, он в армии был самым сведущим знатоком китайских дел и лучше всех понимал подоплёку раздоров у соседей. Сами хунны довольно равнодушно следили за ходом длительных междоусобиц у них, то вялотекущих, без видимых причин и последствий, а то вновь разгорающихся. И вот за несколько десятилетий постепенно и одно за другим пали под натиском сильнейшего государства Цинь царства Хань, Чжао, Вэй, Чу и Янь, признав его верховенство. И теперь Цинь, укрепившееся за счет побежденных, завоевывал уже и царство Ци...

Политика невмешательства, проводимая саархааном, встала перед закономерным вопросом: «Что будет делать Цинь, когда падет Ци? Как поведут себя его правители?»

На первый взгляд, ответ казался простым: они наведут порядок внутри Китая, восстановят разрушенное хозяйство, и на это уйдет не один год. И если они сумеют удержать власть на десятилетие-другое, если огромное государство не распадется вновь, то объединенный в единый кулак огромный Китай станет Великим Илом – могучей Империей, собравшей воедино немыслимые богатства, а значит и силы. И тогда он сможет содержать огромную армию. А куда тогда направит ставший владыкой огромного государства Ин Чжен свои помыслы? Правило поведения тут для всех в мире царств одно: армия существует для войны...

Именно это, прежде всего, и беспокоило теперь хуннов. Не надо быть особо предусмотрительным стратегом, чтобы догадаться, кого постарается отодвинуть от своих границ новый император. Хотя лично с ним и с Царством Цинь особых столкновений у хуннов не было, разве что единичные мелкие стычки на границе, на которые и внимание бы не стоило обращать. И причина такого равновесия проста до банальности: почти половина циньцев – выходцы из родственных хуннам племен, то есть они не совсем и китайцы, а скорее полукровки. Из-за этого многие хуннские командиры без особой охоты, чаще вынужденно вторгались в земли родственных племен.

Но теперь может стать так, что эта кровная близость вовсе не будет ничего значить. Циньцы – безраздельные вскоре хозяева всего Китая, и они уже почувствовали вкус побед. И совсем недолго им до того, чтобы осознать себя самыми настоящими китайцами, порой даже более любящими отечество, чем иные коренные народы.

Замечено, кстати, что когда - по их выражению - «внешние хунны» вторгаются в Китай, то именно хунны-полукровки, называемые «внутренними хуннами», особенно непримиримо и жёстко отстаивают свои земли... И получается, что как бы сильны ни были кровные узы хуннов, но на поверку долг и свои интересы для хуннов-китайцев превыше всего, как у всякого исконно ратного народа.

Турар помнит то время, когда Ордосские рода, живущие за Хуанхэ, в ее излучине, раз в несколько лет устраивали огромные праздники, на которые приглашали гостей из всех китайских царств и, конечно, высокопоставленных хуннских представителей из их Ила.

Сам саархаан ни разу на праздниках не побывал, но своих представителей, особенно старейшин родов, отправлял обязательно. И Сегун Турар два раза ездил. Именно там он познакомился со всеми китайскими царями теперь уже несуществующих царств.

Серьёзные противостояния между этими царствами началось уже тогда. Но на празднике все они были чрезвычайно любезны и учтивы друг с другом. Со стороны тогда невозможно было понять меру их озлобленности друг на друга, серьёзность их противоречий и степень воинственности каждого.

Ин Чжен тогда был самым младшим из них, большинство же были уже в почтенном возрасте. По складу характера он чаще отмалчивался, никак не проявляя себя. Хотя заметно было, что он очень внимательно следит за всем происходящим, слушает все разговоры и запоминает мельчайшие подробности. По праву родового главенства старшие по возрасту цари относились несколько свысока к Ин Чжену, часто подтрунивая над ним. Тогда никто не мог и предположить, что спустя всего какой-то десяток лет этот мальчишка сможет покорить почти весь древний Китай.

Поход выдался тяжелым из-за необходимости сделать громадный крюк в пути, совершенного по приказу саархаана. Когда их войсковое соединение вышло к подножию Алашаня, весна была на исходе и летняя жара иуже начинала вступать в свои права.

Через несколько дней, лишь только воины успели немного передохнуть, Турар отрядил в поиски более трех десятков подвижных отрядов по десять-двадцать человек. Они должны были незаметно переправиться через бурные воды желтой Хуанхэ, проникнуть вглубь полуразгромленных и оставшихся, считай, только на бумаге китайских царств и там досконально ознакомиться с внутренним положением каждого из них. При этом разведчики получили строгое предписание: продвигаться быстро, по мере возможности избегая встреч с самими китайцами.

Как и предполагалось, они не вызвали никакого подозрения у местного населения – хунны в этих местах жили повсюду. Общась с ними, оказалось довольно просто выяснить все необходимые сведения о положении дел в царствах.

Единственная опасность для разведчиков исходила от множества повстанческих отрядов, которые, как грибы после дождя, появлялись во время любой смуты и рыскали всюду. В составе этих отрядов хунны почти не встречались, потому что повстанцы пытались защищать права собственно китайцев. Для них стало правилом: три хунна рядом – опасность... Ибо восстали они против государственного строя, защищала который армия, состоящая почти наполовину из местных хуннов.

Видимо, по этой причине, наскочив на повстанцев, пропали два отряда из тридцати. Разведка приносила неутешительные новости. В царствах Вэй, Хань, Чжао, Чу и Янь не было никакой власти вообще. Государство Цинь, уничтожившее их армии, было занято борьбой с последним уцелевшим пока царством Ци и еще не приступило к наведению единого порядка. Для восстановления нормальной жизни по всему обширному Китаю понадобится немало лет. А пока повсюду орудовали разрозненные банды повстанцев. От них пытались защищаться местными силами самообороны, а чаще спасались кто как мог.

Везде царили разруха, голод, произвол. Народ кочевал с одного места на другое в поисках пропитания и безопасности. Вся знать и чиновничество, да и все более-менее состоятельные роды, побросав все нажитое, попрятались в недоступных местах, чаще в горах, забившись в глухомань подальше от вооружённых людей. Всякий, как мог, искал спасения для себя и своего семейства.

Всегда отличавшийся простоватым нравом Батамай с явным сожалением сказал:
– Всё, там ничего интересного не осталось. Даже грабить некого и нечего.

– Очень добрый человек наш Батамай, - с усмешкой говорили в отрядах. - Ему на самом деле не людей голодающих жалко, а что они нескоро сумеют наладить свое хозяйство. Ну, чтобы можно было снова хоть немножко их пограбить...

4. У Хуан – сюняй, которому подчиняются генералы

У Хуан, подав идею похода, сам ехать на юг не хотел, чтобы не быть случайно узанным китайцами-соотечественниками, это грозило бы его первой семье тяжелейшими последствиями. Долго отказывал настойчивым просьбам сегуна, а согласился только потому, что основной отряд они договорились не заводить в Китай, ограничившись высылкой туда разведывательных групп, а затем сразу направиться на запад, к окрестностям Куньлуна, на поиски следов паломников.

Алашань, конечно, далеко не Китай, но всё же это было совсем рядом с его северными окраинами, где довелось ему когда-то служить в крепости Уай и совершить там свой достопамятный подвиг... Казалось, что сам воздух здесь был пропитан почти забытыми, но такими волнующими запахами родины, волей-неволей пробуждавшими в нём невесёлые воспоминания. Нахлынуло вдруг, встало перед глазами множество мельчайших подробностей, какие, казалось бы, давно остались в его прошлой китайской жизни вместе с отрубленной кистью руки...

Как главный знаток китайских земель, он сам наметил, куда направиться всем тридцати разведывательным орбанам. И нарочно сделал так, чтобы группы, которыми руководили двое его сыновей, прошли по родным местам отца, попутно выведав, как сложилась жизнь его китайской семьи, при возможности убедиться в верности слухов об их благополучии.

Отправив сыновей, сам с волнением стал ожидать их возвращения, размышляя над неутешительными донесениями о Царстве Чжао. Там господствовал полнейший хаос, уцелели только те городки, которые успели организовать свои силы самообороны, способные отражать нападения свободно шастающих по стране банд повстанцев и шаек заурядных разбойников.

Но его мальчишки не смогли даже узнать о судьбе своих родных. Ибо все мало-мальски состоятельные семьи, опасаясь грабителей, убежали в горы и леса – подальше от мест скопления людей, столь привлекательных для мародеров. Им смогли показать только разграбленные руины дома, успевшие уже зарости бурьяном... да, видно, не один год минул, как покинули его хозяева.

Но это, увы, совсем не означало, что они спаслись и, укрывшись, живут где-то. В таких условиях возможностей выжить было немного...

У Хуан принял это известие, как и подобает китайцу, молча, внешне не проявив никаких чувств. Он даже перед сыновьями не мог показать боль от сообщения, ранившего его в самое сердце. С бывшей его семьёй могло случиться всё что угодно. В пути они могли попасться в руки грабителей. А могли и примкнуть к повстанцам. Ведь многие богатые люди так и поступили. Если так, то неизвестно, как к этому отнесутся новые власти, которые рано или поздно обязательно начнут наказывать «неверных». Часто это приносит больше несчастий, чем безвластие, можно ожидать чего угодно. Единственная надежда на то, что новому государству, пришедшему на эти руины в итоге кровопролитных изнурительных войн, нужна будет семья национального героя. Тогда,

чтобы использовать ее для поднятия своего авторитета, влияния и веса, власти могут сохранить всю семью и даже оказать помощь в восстановлении хозяйства.

Но при такой всеохватной смуте ни на что нельзя надеяться. Слишком уж многое зависит тут от непредсказуемого человеческого поведения, подхода к событиям.

Однажды вечером к У Хуану обратился один из двух мегенеев – Батамай.

– Дорогой, у меня к тебе есть одна щепетильная просьба... – начав так, вдруг замялся старый полководец, хотя всегда отличался излишней прямолинейностью суждений.

– Слушаю тебя, говори. Мы же с тобой почти целую жизнь рядом прожили. Мог бы и без оговорок прямо сказать...

– Да дело-то непростое. И как бы тебе объяснить...

– Ну, в чём оно? Говори прямо, – подбодрил У Хуан старого сослуживца.

– Вчера ко мне прискакал гонец.

– Какой-такой гонец? Чей? – сразу же перебил его У Хуан.

– Дело в том, что это гонец из государства Ци...

– Ци? Это же далеко отсюда, за царствами Чжао и Янь, на побережье моря.

– Да. И этот гонец, получив мое согласие, привел ко мне своего сегуна.

– Сегуна?! Да ты что, в своем уме? Какое ты имеешь право принимать китайского сегуна? Ты же простой мегеней... – начальственно удивился У Хуан.

– Ладно, не кипятись – поздно теперь... дело сделано, ты дослушай. Так вот, этот сегун утверждает, что все царства, кроме Ци, полностью разбиты Царством Цинь, и прямо умоляет устроить встречу с сегуном Тураром.

– А не сказал – зачем?

– Он хочет просить помощи.

– А ты почему сразу не согласился помочь хорошему человеку? – съязвил У Хуан.

– Сам бы и решил вопрос на месте, зачем ему еще с сегуном встречаться...

– Я к тебе с полным доверием за помощью пришел, а ты издеваешься. Конечно, я человек маленький, не разбираюсь в ваших высоких государственных делах, – обиделся Батамай.

– Говоришь, «маленький человек», а влез в международные отношения. Как мог ты, дурило, принять чужого сегуна, не имея на то никаких полномочий? Это же – Китай! Тут привыкли обо всем докладывать по инстанциям, а значит ни от кого ничего не утаишь. Завтра же донесут, что хунны приняли посланца, а следовательно вмешиваются в их дела... Ты, возможно, уже испортил будущие взаимоотношения с победителем... ты это понял?

– Теперь понял, что натворил дел... Но так далеко я и думать не мог.

– Вот так дела... Недаром у нас в Китае была присказка: «В неведомое разуму – не вмешивайся». Но что делать теперь, когда ты уже вовлек себя, а вместе с собой и всех нас, в никому не нужную историю... А главное, обнадежил «больших» людей из чужой страны.

– Дорогой У Хуан, очень прошу тебя, прости мою глупость и постарайся помочь этим несчастным... – умолял Батамай.

– Мы с тобой не имеем права ничего решать. Всё, что я могу – уговорить сегуна принять китайского посланца. А что он решит – предсказать затруднительно.

К изумлению У Хуана, сегун Турар с интересом воспринял весть о сегуне Ци и почти сразу согласился принять его, хотя и не без некоторого замешательства.

Турар был чрезвычайно обескуражен итогами разведки: из донесений выяснилось, что якобы воюющих между собой китайских царств на самом деле вот уже несколько лет не было, войска Цинь разбили всех, кроме ещё сопротивлявшегося царства Ци. Остались только разрозненные очаги сопротивления, у которых не могло быть никакого будущего.

В китайских государствах такие огромные перемены, а хунны об этом, получается, до сих пор имели самое смутное представление. И если бы не случайность, а точнее ниспосланный Вышними силами паломнический поход Акола, то так бы они в неведении и жили. Вовремя даровал Тэнгри хуннам и необыкновенного слепца, и проницательного саархаана! Теперь даже смешно вспоминать, что многие укоряли его за неуверенность во всём, нерешительность. А вот оно как вышло: осторожный саархаан не зря снарядил поисково-разведывательную войсковую группу. И если бы не она, то неизвестно, чем бы это неведение обернулось в будущем для всего Ила.

И оказалось, что хунны, вольно кочующие в отдалении по своим излюбленным пастбищам, не знали толком, какие беды постигли великого соседа. Они довольствовались единичными донесениями отдельных отрядов и всякими иными случайными вестями из соседних краев. Да, все они отмечали там жестокие междоусобицы, разруху и даже голод. Но на этой основе невозможно было сложить более или менее целостную картину, а известий о положении правителей вообще не поступало.

Многие хуннские вожди и старейшины были даже рады внутренним раздорам в Китае, считая, что ослабевший сосед безопаснее сильного. И в ближайшие годы такие мнения будут вполне оправданы и все основания для спокойствия остаются. Но и особого ума не надо, чтобы понять, что произойдет, когда весь огромный, богатейший Китай окажется под пятой одного Царства Цинь. Что будет с миром, когда вся эта громадина поднимется после разрухи и раздрая, отряхнется и оглянется вокруг?..

Пока хунны, ничего не зная об истинном положении дел, беззаботно кочевали, царства Чжао, Янь, Вэй и Хань – а с каждым из которых были многолетние деловые, военные, торговые, да и просто дружеские связи, – уже давно пали под ударами Цинь.

Между китайскими царствами внутренние разборки были всегда, это была борьба за лучшие земли, за плантации шелкопряда или месторождения ископаемых, да мало ли за что, но в обозримом прошлом никогда не доходило дело до полного завоевания всех царств кем-то одним. А тут грянули вдруг такие всеобъемлющие изменения...

Видимо, похожие рассуждения и подтолкнули сегуна Турара всё же встретиться и поговорить с сегуном царства Ци – последнего, противостоящего великому объединению Цинь.

5. Разговор с Су Ху– сёгуном царства Ци

Сёгун Турар в важных случаях привык принимать быстрые решения. Так и на этот раз он мгновенно решил принять сегуна Ци. Хотя поводы для сомнений были.

Китайцы, в отличие от хуннов, каждое мало-мальски значимое дело обычно обставляют множеством церемониальных правил: сначала посылают незначительного вестника, который объявляет о желании провести встречу, затем прибывает посланник рангом повыше, подтверждающий намерение, и лишь после – сам посол с группой помощников, чтобы обговорить все тонкости и ритуалы переговоров.

А тут всё впрямую и наспех, и военное время тому причиной. Сегун – чуть ли не второй по значимости человек в государстве после царя – заявляется собственной персоной, без всяких ритуалов и церемоний, чего в иное время китайцы бы не допустили. И это подтверждает остроту происходящего: значит, положение Ци совсем безнадежно и сторонняя помощь для них – последняя надежда. Судя по тому, что Ци находится далеко на берегу моря за прежде богатым и обширным Царством Чжао, они, должно быть, совсем недавно узнали о появлении войска хуннов и сразу, без долгих раздумий направили посланца-сегуна.

Турар сначала решил поговорить с гостем один на один, чтобы лишних ушей не было. Но затем, обдумав, решил пригласить, кроме переводчика, У Хуана и двух сопровождавших его мегенеев – Батамая и Бабыра.

Турара предупредили, что сегун Ци родом из внутренних хуннов, но в каком поколении – никто не знал, а потому, если даже он и владеет языком предков, может так оказаться, что понять его будет не просто, диалекты очень разнились. Вроде бы мог переводить У Хуан, но сделать это прилюдно до сих пор невозможно – он продолжает скрываться. Но его незаметное присутствие позволит потом растолковать многие непонятые во время встречи вопросы и смыслы. А Батамай и Бабыр – правая и левая руки его, пусть и они будут осведомлены о ходе событий. Особенно это полезно для Бабыра, будет внуку память и урок на всю жизнь. Наверняка и ему придется когда-нибудь самому проводить такие переговоры, пусть учится.

Сегун оказался молодым человеком, на вид ему было чуть больше тридцати. А такой стремительный служебный рост никогда просто так не случается. По всему было видно, что Су Ху, как его представили, прошел хорошую школу воинского мастерства за свою недолгую жизнь. Это можно было «прочитать» по множеству зарубцевавшихся шрамов на его лице, по отсутствующим двум пальцам на правой руке. Левая же была все время полусогнутой: видимо, после ранения не выпрямлялась.

Сначала Су Ху наскоро познакомил собравшихся с общим положением, сложившимся в Китае почти двадцать лет назад, когда четыре государства, граничащие с Цинь, заключили между собой союз против него. Но мира это не сохранило. В итоге непрекращавшихся войн все эти государства одно за другим пали под натиском набравшего силу противника, а многие из состава побежденных армий теперь уже служат Цинь... В конце рассказа Су Ху направил на Турара свой пронзительный тяжелый взгляд, в котором, казалось, были сосредоточены все его до последнего напряжённые чувства – от крайней степени отчаяния до надежды.

Много повидавший на своем веку старый сегун невольно отвел глаза в сторону. Ему стало тяжело смотреть на лицо молодого еще, но явно обреченного на скорую гибель собрата-воина. А обнадежить его он ничем не мог.

Если даже Су Ху выживет после падения Ци, его всё равно спустя какое-то время отловят и казнят как непримиримого врага. Но по нему сразу было видно, что он не из тех, кто сдается на милость победителя, слишком много в нем осталось родового, хуннского, а для хуннов, пусть даже и полукровок, самая желанная доля – славная гибель в бою.

Погруженный в раздумья долгим рассказом, сегун Турар рассматривал крапинки на войлоке, устилавшем пол в шатре: «Хороший полководец. Но родился он под несчастной звездой. Не та судьба, не то предназначение...».

Всё ещё не поднимая глаз, он обратился сам к себе, словно кто-то чужой и строгий: «А ты сам-то, старый, доволен своей судьбой?» И ответил: «Я-то доволен... Пора бы уж достойно завершить ее, да не позволяют. А тут еще и тревога за судьбу слепого внука - тоже, похоже, обреченного. Вообще не люблю обреченность... Я бы...

– Да, старый, дай тебе волю, ты бы все преграды отменил... А этого никогда нельзя делать ... Надо уметь покоряться судьбе, верить в Провидение и ни в коем случае нельзя проявлять своеволие.... Неужели ты до сих пор этого не понял?!»

– Понял... – вслух ответил своему внутреннему собеседнику Турар и сам удивился сказанному: так стар стал, что уже и заговариваться начал...

И оттого, немного смутившись в себе, сказал прямо посланцу:

– Время сложное, поэтому оставим церемонии и условности. Вы приехали ко мне без всякого предупреждения. Я понял, что ваш правитель послал вас к нам просить помощи. Не так ли?

– Да, почтенный... Вы точно поняли. Действительно, ваша помощь – для нас последняя надежда на спасение. Иначе – пропадем. Они нас уже почти окружили.

– Мы об этом до вашего рассказа мало что знали... - вздохнул Турар.

– Скажите, уважаемый, что мне передать правителю? Мы можем надеяться на помощь?

– Это не в моей власти решить. Я такой же сегун, как вы, а не правитель. Такого рода решения может принять только сам саархаан. Я же могу пообещать вам передать все ваши новости и вашу просьбу как можно скорее...

Турар опять тяжело вздохнул и на прощание еще раз взглянул в глаза молодого сёгуна: теперь они были полны лишь горечью безнадежности.

Когда Су Ху ушел, никто не шелохнулся, сидели в печали. Но чувствовалось, что оба мегенея – старый Батамай и молодой Бабыр – остались недовольны отказом сегуна.

– Правильное решение... Хотя по-человечески жалко его и всё царство их, – твердо сказал У Хуан. – Но в государственных делах нельзя примешивать личные чувства. Мы же ничего не знаем об их истинных намерениях и возможных действиях, а поэтому лучше вообще не вмешиваться, как предписал нам саархаан.

Тяжело, ох как тяжело старому сегуну было отказывать молодому и уже обреченному. Сказал ему честно – и тем словно груз тяжелый взвалил на плечи... А ведь всего-навсего принял решение как сегун, которому Генеральный штаб и саархаан строго приказали: в Китае ни в коем случае ни во что не вмешиваться.

Так-то оно так... Но все естество старого сегуна сопротивлялось такому жестокому решению. И разве могут понять погибающие от огня войны и мечей завоевателей, что главной причиной отказа в помощи стал приказ «не вмешиваться»? А они так надеялись на могучих хуннов...

Каково было Турару оставлять в беде такого же, как он сам, сёгуна? Но мог ли он принять другое решение? Еще как мог – если бы, как он сказал молодому, совсем отбросить жестокие условности реалий...

Что из того, что у него мало сил... Ничего подобного! При умелой организации, а Турар это делал несчётное число раз, два мегена⁴ и четыре сюна его личной гвардии могли преподать противнику хороший урок... Ведь умения и опыта боев с китайскими армиями у него за долгую жизнь накоплено с избытком.

Главное, суметь обойти с фланга или с тыла многотысячные пешие армии, суметь отсечь и затем разбить и рассеять их конницу. В отличие от хуннов, имевших по три заводных лошади на подмену, у китайцев их всегда только по одной, что делает их крайне ограниченными в действиях и быстроте передвижения.

Воображение стало рисовать подробные картины возможных действий – пока, увлечённый таким дерзким полётом воображения, он сам себя не одернул: «Вот что значит служба, когда должность, звание и, главное, ответственность ломают натуру человека... Ты обязан всегда помнить, что существуешь не сам по себе, а за тобой – армия, от действий которой напрямую зависит благополучие и семьи, и рода, и государства...»

⁴ Меген – тысяча.

Это решение касается именно будущего, тех времён, когда начнут складываться с нуля отношения с неведомым еще никому новым великим соседом. Именно ради этого государственного будущего, которого ещё нигде и ни в чём нет, он и совершил этот крайне нежелательный для хунна поступок – оставил в беде человека, в руках которого вдобавок судьбы огромного количества людей. А ведь каждый хунн, ощущая свое превосходство над остальными народами, мнит себя, прежде всего, спасителем всех и вся, обязанным восстанавливать справедливость, защищать обиженных...

Сегуну Турару стало крайне неприятно от этих мыслей. Но от них просто так не отмахнешься, как от мух, это его собственные переживания, а значит – он сам.

– Да, будь я странствующим в поисках подвигов вольным воином или просто – охотником, или ни перед кем и ни перед чем не обязанным отвечать лихим рубакой, для которого кроме совести и чести ничто и никто не указ... Тогда я бы принимал решения, какие отвечают моим внутренним ощущениям, опираясь только на честь и совесть... А так – весь я закован крепчайшими цепями присяги, долга, указаниями Генерального штаба и божественной волей саархаана. И что я – сегун Турар – могу в таком случае сделать? Что? Ничего не имею права делать по своей воле - ничего! А имею лишь одно право - подчиняться приказам...

Турар пригласил к себе У Хуана, сказал:

– Срочно собери командиров сюнов, обозных и передай мой приказ: завтра с восходом солнца трогаемся в путь...

– Вы сказали, я услышал!.. Все будет сделано в лучшем виде, – облегчённо выдохнул У Хуан, затем после паузы уточнил: – На запад наконец, надеюсь? К Куньлуню?

– Да... Но не скорым маршем, а с остановками, мы еще второго приказа от саархаана не получили.

– Хорошо, что не торопясь. По пути нас ждут места, богатые травами для лошадей и скота, а для нас – дичью и рыбой...

6. Странный сон

Если раньше его сны были простоваты, и в них было лишь частичное отражение действительности, но многие намеки прочитывались сами собой, а другие требовали некоторой догадливости от него, то теперь сны оставляли после себя совершенно непонятные чувства, загадочные вопросы, вызывая внутреннее напряжение и порождая нешуточные опасения, выражаемые в словах: что-то будет?.. Но что конкретно – он понять не мог, тем более, что поводов для опасений было и без того множество. И всё же самым главным из них был и оставался уход в паломничество слепого внука.

Совершенно обескуражило деда решение Акола, от которого его никто не смог отговорить. И при всей бессмысленности последних снов по этому поводу настораживала в них удивительная живость голосов, какая-то необычная подлинность всей обстановки, излишние для сна подробности, четко запомнившиеся при пробуждении...

Отпустив У Хуана после привычного раннего сытного ужина, Турар прилег. Хотел ненадолго, но неожиданно окунулся в глубокий и продолжительный сон. Просыпался же не как обычно – сразу возвращаясь в действительность, а долго и медленно приходя в себя. Видимо, во сне душа его слишком далеко уходила в иные миры, а брэнное тело с трудом принимало собственную душу назад. И отчаянно колотилось отчего-то в груди сердце. Все его тело томительно ныло, суставы онемели, и старик, тяжело постанывая, пытался разминать руки, ноги, шею.

Странный оказался сон. Черным вороном летал он над жаркими полуденными красными песками... И вдруг увидел, как двое путников бредут по пустыне. Удивился, обрадовался было, но тут же и ужаснулся, узнавая внука Акола с поводырем Хойгуром – который вместо того, чтобы вести слепого, сам держался за его посох и еле брел за слепцом...

Во сне, к тому же, он ощущал себя сразу как бы в двух ипостасях. Пребывая в теле ворона, Турар тем не менее помнил, что он – сегун хуннского войска. И вот, донельзя возмутившись поведением негодного поводыря, он коршуном налетел на него и, когтями вцепившись в волосы, с силой ударил клювом в его макушку. Поводырь схватился за голову, повалился на песок, заплакал, запричитал, из его макушки брызнула кровь. А он закричал-закаркал то ли вороньим, то ли человеческим голосом:

– Никчемный человек! Зачем ты нанялся поводырем, если слепой тебя самого ведет! Я тебе, бессовестному и бесчувственному, сейчас выключу глаза... я их съем, так я зол на тебя!

Но слепой внук будто понял его воронье карканье и стал защищать своего поводыря, отгоняя птицу посохом, даже больно попал по крылу.

– Что ты делаешь, я же твой дед! Как ты смеешь поднимать руку на деда?! – вскричал возмущённый Турар-ворон.

– Не дед ты мне, а черный ворон! Уходи отсюда, улетай! Мы вместе, мы дружно идём... не мешай, не лезь к нам со своими указками!..

– Родной мой! Кровинка моя, поперечина своевольная, надежда и несчастье моё, награда и проклятье! Как же ты смог не признать родного деда своего?! – Так он кричал-каркал ему, изумлённый и оскорблённый сопротивлением внука, ничего не понимая. – Думы о тебе ни днём, ни ночью не выходят из моей головы, беспрестанно печалюсь я о твоей участи, молюсь за тебя Всевышнему Тэнгри...

– Нет, черный ворон, улетай отсюда прочь. Кышь отсюда - и не возвращайся! Я не верю тебе... нет, ты не мой несчастный дед, а черный кровожадный ворон!

– Да, милый ты мой, наказание мое, я действительно очень и очень несчастен из-за твоей слепоты. Белый свет мне не мил из-за твоей тяжелой участи – и в том, может быть, есть и моя вина. Возможно, что и за мои грехи эта страшная кара постигла тебя...

– Перестань, ворон!.. Я вовсе не слеп, я более вас всех вижу, точнее и полнее постигаю мир. Это он – поводырь мой – слеп, поэтому я веду его, а не он меня. А ты, старый, хоть и мудрый вроде, да ничего не видишь и не понимаешь, что происходит вокруг в этом мире. Убирайся прочь от нас! Улетай за горизонты сна своего и не смей возвращаться ко мне. И знай, что дед мой – не кровожадный ворон, а самый грозный хуннский сегун. Он могучий и почти всесильный. В Саратай, на жаркий юг он повел непобедимые войска свои на усмирение разбойников ...

– Внучек ты мой дорогой, подожди! Выслушай меня, не гони...

–Нет, уходи подобру-поздорову, а не то мой дед – многомогущий грозный сегун Турар – пронзит тебя железной стрелой! Рассечет тебя острым мечом!..

–Уходи, старый болтун! Уходи, негодный летун! – закричали-загомонили откуда-то взявшиеся разом целой стаей серые птицы, падальщицы пустыни, дразня издевательски его, ворона. – Старый и глупый, ни к чему не годный! Триста лет жил, а ума не нажил – зачем тогда жил?! Ничего не нажил и не добыл, жизнь на глупость свою истратил. Никому ты не нужен в этом мире – улетай прочь!..

Удивительное всё же дело – сон. Чаще всего он кажется пустым и мнимым отражением бытия. Но случается, что и намекает о грядущем. И попробуй уяснить, предопределяет он вообще хоть что-то или нет. И так всякий раз. Ох, непросто понять, что сокрыто в наших снах. И продолжаешь мучиться, принимаясь разгадывать очередные ночные загадки. Сколько ни живи на свете, а науку эту разве удастся когда постичь?

В этот раз он так далеко «ушел» в сновидение, что когда проснулся, то в первое мгновение не мог сообразить: кто же он такой и кем же на самом деле является... Даже забавным покажется, когда одумаешься – но так ли уж смешно всё это? Не ворон, уж само собой, а человек... но - какой? Не странно, что «там» знают: он сёгун, и притом «многомогущий» – вот ведь придумал словечко внук... Впрочем, ему виднее, по его словам - он зрячее всех нас. Вот и подсказал он мне, каким меня другие со стороны видят. А сам этого далеко не всегда поймёшь. Да и по человеческой природе своей всегда ты как бы недоволен своим положением, и «многомогущество» свое совсем почти не ощущаешь, скорее уж наоборот, еще неотступнее мучает чувство беспомощности, когда перед тобой возникает множество труднейших, подчас неподъёмных дел. А еще неуютнее и обиднее, что ты – такой «многомогущий»– в простых вроде вопросах всё чаще ничего изменить не можешь. Ну, вспомни хотя бы свою последнюю женитьбу или свадьбу Бабыра. Или ту же непреклонную решимость Акола дойти до горных высей Куньлуня...

Турару прежде редко снились сны. А если и снились, то обычно в них все было настолько приблизительно и нечетко, что утром никаких подробностей он вспомнить не мог. Только на самое короткое время запоминался смысл некоторых разговоров там или несвязные обрывки увиденного. И забывалось всё и навсегда, и никогда не мучило его потом.

Обычно спокойный даже перед трудными походами, Турар из-за рискованного, это если мягко сказать, таящего много опасностей паломничества внука был в подавленном

состоянии, и поселившееся в нём беспокойство только усиливалось. И потому был непривычно напряжен, даже мнителен, со всех сторон ожидая беду... да, словно сам попал в окружение и не находил пока из него выхода, в малейшем намеке видя непредвиденные угрозы не только для себя, но и для всех близких. Это было доселе незнакомое ему, по-солдатски простоватому и неотзывчивому на грубые внешние раздражения, сложное ощущение, в котором он никак не мог разобраться.

А что для хунна опасность? Знакомое, впитанное чуть ли не с молоком матери и потому почти родовое, потомственное восприятие окружающего, грозного подчас и непредсказуемого мира, где всё время надо быть начеку. И потому оно для хунна как бы управляемо, словно приученная лошадь... Этому чувству опасности, как только оно появлялось, всегда была присуща ответная дерзость, даже бравада, помогающая преодолеть всякий страх и превзойти собственные возможности, придающая непонятно откуда взявшиеся силы и уверенность, что ты сильнее всех препон и обстоятельств, хитрее опасности и даже можешь управлять судьбой своей. Да, именно опасность воспитывает и воодушевляет хунна, дает ему возможность всячески проявить себя.

Оттого он и хладнокровен, и спокоен, ибо не боится смерти. Куда страшнее трусость и неуверенность в себе. И потому хунн тогда лишь переживает, когда смертельная угроза его жизни вдруг возникает до завершения того, что он непременно обязан сделать. А еще хуже было не исполнить свой долг и при этом выжить. Более беспомощного и оскорбительного состояния хунну и пожелать было нельзя.

Но всё это – прежде непредставимое и невозможное для Турара – теперь потеряло свою грозность. Лично ему невозможно было угрожать так, чтобы он ощутил тот же страх и беспокойство, которые переживал теперь из-за внука. Непереносимыми оказались опасения не за себя, а за других: за детей, за внуков, за семью. Когда ты бессилен что-либо предпринять, когда от тебя ничего не зависит, когда ты ничего не можешь изменить...

Турар немало горьчайшего вкусил в этой жизни. Пережил и смерть всех пятерых сыновей, и каждый раз тяжесть казалось невыносимой. И хорошо ещё, когда пустоту, возникавшую после гибели продолжателей твоего рода, восполнили внуки. Они не могли полностью вытеснить боль потерь, но всё же...

Справиться с горем хунну помогает и традиционное народное представление о смерти в бою – как об изначально predetermined и естественном предназначении мужчины. Оно помогает справиться с горем и смириться с потерей. Не восстать всем существом своим против воли Тэнгри, а смириться и принять тяжкую, но героическую долю свою... Предназначения не изменить, всё – счастье наше и несчастье – предначертано свыше. Всевышний теперь наш заступник, защита и надежда на прощение грехов.

Отправляя родного человека на войну, хунн все надежды возлагает на бога, на предназначенную близкому судьбу, и этим заранее допускает любое возможное развитие событий. Или он счастливый вернется с добычей, или же могут привести его коня с пустым седлом, где приторочено его оружие и свисает походное снаряжение...

Тяжело, но что же делать... Участь не выбирают, она даётся сразу и навсегда.

Но отпустить в путешествие по неведомым тропам слепого внука оказалось очень трудным делом, принёсшем всей семье невыносимые прежде переживания и испытания... Конечно, хунны народ набожный, почитающий Всевышнего – единого и всемогущего... Но таких обстоятельств, когда совершенно слепой отрок вдруг решается идти на поклон к

святым местам высокогорий – нет, такого не то что не было, но даже никто и представить себе не мог чего-то подобного. Тяжело же и во всех смыслах дико было отпускать на явную гибель слепого – пешком, безо всякого оружия и с одним таким же безоружным поводырём ...

Турар, а вслед за ним и остальные в семье, смирились с этим только потому, что всем стало понятно: это было угодно Всевышнему, позволившему Аколу решиться на этот поступок. И небеса восприняли деяние его как жертву, как некое искупление – за всех нас...

7. Мысли о внуках

Как всегда после таких запутанных снов, стараешься разгадать смысл, пытаешься угадать тайные ходы Провидения, но тщетно. Слишком много загадок задано. Одно только ясно, что это слепой ведет за посох поводыря по пустыне, а не наоборот. При этом внук не признает деда в облики ворона и гонит его прочь. До сих пор в ушах стоят его безжалостные слова: «Уходи и не возвращайся... не дед ты мне, а черный ворон»... И что значит эта странная угроза в адрес неузнанного деда-ворона: «Мой дед – грозный и всемогущий сегун Турар - пронзит тебя железной стрелой»?

И к чему же все это? Что, какой смысл сокрыт за этими словами? Сложнейшие намеки эти надобно ещё правильно растолковать, а уж потом пытаться понять, что за ними стоит... не новая ли какая беда? Не дай-то Бог! Слишком душа болит за внука, который ушел через пустыню к горам с более чем сомнительным поводырём-проходимцем. Ушёл поклониться святым местам, которые находятся где-то далеко-далеко за отрогами Куньлуня... да и есть ли там они?

Горы так далеко, что даже сегуну, преодолевшему за свою жизнь несчитанные тысячи кёс, трудно даже представить этот путь. Потому что крайне осложняет всё требование к паломникам – быть пешими. А это явно не хуннский путь, потому что истинного хунна невозможно представить без коня. Как добраться до тех дальних мест за широкими пустынями, за быстрыми реками, за высокими горами? Точно как в сказке все эти препятствия повыстроились, одно неприступнее другого... Туда пешком и зрячему не добраться, потому что много ли воды и еды возьмешь в котомке? А слепому?.. Нет, только одно остается – уповать на Всевышнего.

«О, Тэнгри Всемогущий! На все Твоя неоспоримая воля! С глубокими поклонами сгибаюсь до земли с великой мольбой, слезно умоляя, Всемогущий: помоги моему слепому внуку, который зорче зрячих грешных узрел что-то важное во тьме предопределений. Наверное, узрел Величие твоё и потому непременно пешком и с надеждою на тебя пошел поклониться и помолиться в святых местах не за себя, а за нас, грешных, за свой темный хуннский народ, а может и за всех людей на земле...».

Не хотел он отпускать внука, да и разве можно идти в неизведанные дали с таким прохиндеем-поводырем, вралём, который никого не признает и потому ради малой выгоды, сдаётся, может предать любого.

И если, не дай Бог, что-то случится с Аколом в долгой дороге, вдоль которой рыщут разбойники, то старый сегун этого никому не простит – покарает всех, кто под руку попадет. Понимает дед, конечно, что задним числом этой карой никого не испугаешь и внука не вернешь, а лишь умножишь грехи и несправедность свою, ибо под горячую руку вряд ли попадут виновные, скорее уж достанется каким-то посторонним,

случайно подвернувшимся по стечению обстоятельств или из-за любопытства. Этого бы не хотелось, конечно, но случиться может именно так...

А как не хочется ему умножать несправедность, против которой боролся покойный саархаан Абылхай... Этот мир настолько полон несправедливости, что борьба с нею порой кажется бессмысленной. Неужели, в конце концов, восторжествуют только грех и зло?.. Нет, Всевышний не должен этого допустить. Ибо Акол – отпрыск великого народа хуннов, чьими руками сам Тэнгри управляет миром.

Ещё грудными внуки-двойняшки резко отличались от своих сверстников взрослым и печальным взором. Эту недетскую печаль заметили многие. Неизвестно и сегодня, ради какой особой цели они были посланы в *наш* средний мир, но еще до их рождения шаманы напророчили им великие свершения.

Старый Турар, знавший и понимавший истинную цену и значение избранных на великие дела, вовсе не обрадовался этому нежданному «подарку» судьбы. В нем жило опасение, что обычно это бывает некая непосильная задача, такая, что ради нее внукам надо будет совершить поступки нечеловеческого напряжения, а то и пожертвовать чем-то важным, чуть ли ни самой жизнью... Великие дела требуют великих жертв. И не только земными человеческими радостями, но и жизнью платят порой избранные.

Такова, например, судьба у ханов, всей ханской семьи, даже их приближенных. Тяжела печать избранности, и сколько ни молились: «Пронеси мимо, о Господи, такую участь!», – она всё-таки досталась им, ничего изменить не удалось...

Видит Бог, как он не хотел связывать свой род с ханским, потому что он на собственной шкуре прочувствовал, каково просто находиться рядом, тем более быть непосредственным исполнителем их высокой воли, исходящей от тех Вышних сил, которые восседают на небесном троне.

А вступление с ними в кровное родство означало и свой род, и себя, свое потомство положить на жертвенный алтарь высокого служения. Но обстоятельства, как всегда, оказались намного сильнее его желания остаться в стороне, прожить простым смертным. Всё случилось так, как заранее было предопределено: жить будете *так*, и никак иначе. Нет, предопределённости никакими предосторожностями не избежать.

Страшным подтверждением этому стала весть о гибели сына – правой руки молодого саархаана. А затем один из внуков, родившихся после гибели отца, оказался слепым, и вскоре, так и не оправившись от горя по мужу, умерла родовитая невестка, оставив сыновей круглыми сиротами. И получается, что именно она и её родовитость принесли в их семью столько несчастий и страданий.

По достижении мальчиками семи лет главными воспитателями стали для них дед и его помощник – китаец У Хуан. Они не раз брали ребят с собой в походы, и потому Бабыр, младший из мальчиков, рано втянулся в воинскую жизнь. Он сам, без помощи деда, только опираясь на свою врождённую незаурядность, успешно продвигался по службе. В четырнадцать его назначили арбанаем, в пятнадцать – сюняем, а в этом году хан доверил вот ему – семнадцатилетнему – целый меген.

Как ни странно, но радости это принесло деду меньше, чем опасений и вопросов: «К чему готовят Небеса мальчика? Не слишком ли рановато требовать им от него высокого служения? Что вообще ждет его впереди? На подвиги или преступления пошлют его?» Бабыр, может, и с ясным, быстрым умом своим, да ещё превосходящий силой многих сверстников, всё же ведь незрелый ещё человек, и доверенная ему власть может

немало навредить. Ему уже приходится отдавать приказы, распоряжаться не только действиями, а скоро и судьбами людей... В его руках тысяча воинов в строю и почти столько же обслуги обоза – это же по-настоящему самостоятельная армия. «Какие народы ему надо будет покорить? Какие освободить? В какие и мелкие, несущественные, и вселенские столкновения будет он втянут? – невесело гадал Турар. – Смолоду всякое можно натворить, глупые порывы так ей свойственны, так искренни и естественны. И так же горячи в раскаянии, как в самом бесшабашном и опрометчивом деянии, в страдании из-за допущенных роковых ошибках. И расплата не замедлит...»

Невесело от таких раздумий, от самой неизбежности ратных передряг и испытаний, предстоящих внуку, и нехорошо становится у деда на душе. Рождается в нем чувство неуверенности, а старик очень не любит такое зыбкое состояние. Как хорошо, что его дело – ратное – сравнительно простое. Пошлют – пойдешь, отзовут – вернешься. Верно предки говорили, что служивому вдаваться в излишние рассуждения опасно, появляются некие колебания и раздвоенность в душе, а это значит, что начинает теряться врожденная привычка к четким и ясным действиям. Эх, внуки... Взвалил бы на себя хотя бы часть их жизненного груза, да разве такое возможно...

8. Боль души

И всё-таки сильнее болит душа по старшему, слепому внуку. Что ждет Акола? К чему готовят его небеса? К каким испытаниям? Дед нутром сразу почувствовал всю опасность задуманного внуком паломничества. И он до сих пор никак не может понять, почему убогого и почти беспомощного избрали для исполнения такого ответственного предназначения? По всем признакам, его ждёт особенное, поистине не от мира сего высокое деяние. Но какое - этого никто не ведаёт. Значимость его ощущает только дед, да ещё Ухуан, но и он объяснить ничего не может.

Да, с малых ещё лет Акол оживлялся при разговорах о высших духовных служителях. И сразу начинал выспрашивать подробности совершения обрядов. Незрячие глаза его в тот миг загорались странным блеском. И с детства знал он множество алгысов-молитв – произносимых по разному поводу благословений и заклинаний, потому что старался участвовать во всех семейных и родовых обрядах, совершаемых не только в определённое время года, но и по различным житейским случаям или в честь каких-либо важных дел.

До поры до времени никто этому особому значению не придавал. Пока лет в пять вдруг стал он с удивительной точностью предсказывать довольно многие события. А на вопрос: «Откуда это тебе ведомо?» - нехотя отвечал, пожимая плечами: «Просто мне так кажется». И это его «кажется» почти всякий раз совпадало с произошедшим позже.

А нынешней весной, когда снег еще не растаял в степи, он огорошил всю семью, заявив, что ему необходимо совершить обряд поклонения, отправившись в паломничество к горным обителям Тэнгри... да, ему совершенно неотложно надо помолиться именно там. По его словам, он должен будет идти туда пешком, и только вдвоем с поводырем. Это и показалось сразу всем невозможным. И, конечно, страшная тревога объяла всю семью: как это можно, чтобы слепой с одним только поводырем пустился в такой дальний путь?!

Дед нашел было хороший, как ему показалось, повод: Бабыр получит, дескать, ответственное задание – провести в тех краях военную разведку, а заодно и проводит

частью пути его, паломника... Но он был неумолим. Мол, тогда это будет самое обычное путешествие пресыщенного баловня, а не истинно верующего паломника.

И как бы ни было страшно отпускать его в путь, но, полагаясь на Создателя всего, пришлось согласиться. Все бросились искать подходящего надежного поводыря. Вскоре отобрали из сотни нукеров лучших пятерых, но Акол всех их отверг. Самый ненадежный выбор, по мнению всех, сделал он, остановившись на своем одногодке, единственном сыне женщины, прислуживающей при кухне. Акол знал его с малых лет, они всё время играли вместе, дружили какой-то странной, не по положению своему, дружбой. Звали его Хойгур.

Когда его представили, тот совсем не понравился деду. Кого-то он ему напоминал, но кого?.. Турар не смог вспомнить.

– Почему он выбрал именно этого?– строго спросил дед у Бабыра. – Я думал, хоть троих-четверых мне представите, чтобы какой-никакой выбор был. А тут приводят этого сына служанки, да ещё какого-то прохиндейского вида... Чем именно он оказался предпочтительнее?

– Так мы же вместе росли. И Акол как-то всегда выделял его и приближал к себе, – пожал плечами Бабыр.

– Так, значит, ты хорошо его знаешь? И ты за него ручаешься?

Бабыр замялся, не зная, что ответить деду:

– Признаться, я особо ничего не могу о нем сказать. Ни хорошего, ни плохого. Просто брат меня очень просил, чтобы я поручился за него.

– Странно. У него же на лице написано, что из этого типа со временем может выйти отменный лжец.

– Так он же совсем еще мальчик... как можно так говорить о нем? Может, и не таким путем пойдет...

– Мальчик... Дело не в том, что мальчик. Мы же должны ему доверить такое дело... А то, что он еще мальчик – наоборот, должно вызывать опасение, потому что неизвестно, как и когда проявятся дремлющие в нем отрицательные качества. И кто знает?.. Но ведь и явно нехорошие зачатки отражаются у него на лице, посмотрите. А какие обстоятельства сложатся во время этого странного пути - этого мы с тобой даже не можем предвидеть... Вот ведь в чем дело. Ты – мегеней теперь и должен учиться видеть, предугадывать, какие поступки кроются в повадках, взгляде у того или иного молодого человека. И если бы вместо тебя мне представлял его учитель, который денно и ночью следил за ним в течение всего взросления, и он поручился бы за него – я мог бы довериться. А тебе самому надо еще многое узнать... Потому не поручайся впредь за тех, кого сам не знаешь.

– Ты сказал – я услышал. Но по Хойгуру я подчиняюсь брату, как старшему. А учителя у нас такие, что лучше не найти: ты и наш китаец...

– Ну, какие мы учителя... Слишком заняты ратным делом своим, разве что время от времени... Учитель – это совсем другое и, может быть, для нас с тобой недоступное понятие. У меня ведь тоже никогда не было Учителя... Может, нам, простым ратникам, он и не нужен, а достаточно иметь хорошего командира и мудрого денщика, которые и наставляют на верный путь служения.

– Как мой У Хуан. По моей просьбе он постоянно приезжает и дает советы, подсказывает, объясняет.

–А ты во всем с его наставлениями согласен?

–Ну, бывает, что... – запнулся Бабыр, почему-то вдруг покраснел и смущенно почесал затылок. – Бывает, что не соглашаюсь. Но всегда внимательно слушаю. И если даже не принимаю сказанное, стараюсь обдумать услышанное. И часто, благодаря этому, удается поглубже проникнуть в суть дела.

–Вот-вот! Это хорошо ты сказал. Очень хорошо. Пойми, умный человек – это тот, который постоянно учится, умеет слушать, вникать. А очень умный – учится, даже споря, не соглашаясь. Умей учиться и у своего противника. Твой тэнсик⁵ У Хуан был для меня всегда мудрым советчиком. С ним и до сих пор многие советуются.

–Тогда почему же он остался всего лишь в сюнях по званию? Могли же его выдвинуть и в мегенеи, генералы?

–Это дело тонкое. По некоторым обстоятельствам в судьбе он предпочитает всегда оставаться в тени. И он скромн, как мало кто.

– И всё же почему?

–Так получилось, что у него сложная судьба. Вот отчего твой друг Батамай – мегеней с молодых лет? А он что, умнее У Хуана? Да он же прост, как полый бамбук.

–Но, тем не менее, он не хуже других управляет своей тысячей, – горячо заступился Бабыр за своего напарника.

–В том-то и дело. Другие, даже намного моложе его, давно ушли на покой, а он до сих пор востребован. В чем тут дело? Трудно порой объяснить. Благодаря опыту своему он умеет быть нужным, потому и в строю до сих пор.

После ухода внука старый сегун, глядя в темноту, долго улыбался. Надо же, как быстротечно время. Семнадцать лет назад... всего-то семнадцать лет назад, а словно вчера было, когда он сквозь слезы горечи глотал слезы радости и надежды, думая о двух любимых внучатах, можно сказать – вырванных у смерти их отца и их матери, дорогих как подарок самих Небес... И вот они уже взрослые, наравне со старшими рассуждают о сложнейших вещах, Бабыр о службе своей, а давно переросший своим умом не только сверстников Акол уже о таком высоком, о чём мало кто и помыслить может...

⁵ Тэнсик – (здесь) доверенное лицо, советник командующего.

Его опасений насчет поводыря не поддержал тогда только У Хуан, причастный к воспитанию юношей с малолетства. Турара вообще-то многие побаивались за излишнюю прямолинейность в суждениях, а потому У Хуан с внешней долей почтительности к начальнику, но и несколько с иронией, как к другу, высказался вполне определённо: «Нет, почтенный, на мой взгляд этот поводырёнок не так прост, как кажется. В нем, как я примечаю, дремлют разные и совершенно неожиданные для него самого возможности. Сдаётся мне, что придет время - и вы убедитесь в правильности выбора Акола. И тогда, может, вспомните меня...» Эти слова его стали определяющим доводом для деда. Хотя и с сомнением, но Турару пришлось согласиться с мнением У Хуана, которого, кстати сказать, на китайский манер звали Хуан-Цзы, а по-хуннски Хуан-Сэсэн. В результате хочешь не хочешь, а согласились на Хойгуре, вернее же покорились воле слепого паломника.

Но теперь, когда следы путников затерялись в предгорьях Куньлуны, бывшие сомнения опять овладели им: «Что с ними? Как они там? Не случилось ли чего?»

Плохо знать о жизни много дурного, потому что порой начинаешь превратно толковать самые обыденные вещи и поступки. Этот отрицательный опыт начинает

вращивать в тебе неведомые прежде опасения, подозрительность, недоверие ко всем людям. А в свете таких опасений за судьбу с рождения убогого и почти беспомощного, но поэтому самого дорогого внука, ты особенно уязвим. Замечено, кстати, что в семьях, где много детей, особое внимание уделяется, как ни странно, не здоровым и преуспевающим, а убогому, обделённому судьбой.

Хотелось бы верить, что случилось это с Аколом не из-за его, Турара, грехов и неправедностей. Как ни грешен он, однако видит Тэнгри, как он и себя сдерживал, и воинам своим не позволял бессмысленного кровопролития, запрещал измываться над беспомощным и безоружным народом, порой жестоко наказывая и зарвавшихся нукеров, и их командиров.

Но теперь, если случится что-то с внуком, он вряд ли может поручиться за себя. Не знает он, что предпримет, как поведет себя. Потому и молит: «Не дай-то Бог! Да минует меня эта горькая чаша!..»

9. В ожидании приказа

Саархаан Усуман, в отличие от отца и своего брата, был далек от армейских дел. Думали, что он со временем привыкнет, вникнет и втянется в них, но этого не случилось. Наоборот, Турару в последнее время казалось, что саархаан совсем перестал интересоваться делами армии, полностью возложив их на него. Это было нехорошо, с точки зрения хуннов, не совсем правильно. Главные решения и приказы по армии должны исходить всё же от саархаана. Армия – от командующих до последнего нукера и обозника – должна понимать, что исполняет его волю. Так было издревле, так и должно быть в будущем. Ведь всё хуннское благополучие держалось века и теперь держится на силе и мощи армии.

И долгое время сегун Турар делал вид, что все решения принимает не сам, а только после согласования с саархааном. Хотя ведь от пытливых, а тем паче завистливых глаз немного сокроешь. Саархаан, нынешним летом оставшись в Ставке без сегуна, всё-таки вынужден будет заниматься делами армии самостоятельно, хотя на то есть и дежурные генералы. Но потом об этом обязательно будет высказан укор ему, сегуну, даже если он не задержится в походе и вернется вовремя.

Но сейчас мысли Турара заняты совсем другим, озабочен он догадками о содержании второго приказа саархаана, который ожидается с гонцом. Скорее всего, речь пойдет об уничтожении банд беглых разбойников, постоянно нападающих на караваны. Кстати, это была многовековая обязанность Хуннской империи перед китайскими царствами, за это они отсчитывали хуннам очень даже солидную плату. Поэтому нынешнее оживление грабежа на торговых путях шло вразрез с прошлыми договоренностями, с обоюдными интересами. И понятно, что в таком массовом разбое на дорогах виноват был прежде всего сам Китай, который год ведущий свои кровопролитные междоусобные войны, но проблему-то эту придётся решать всем вместе.

Уезжая, Турар малость схитрил. Опытный сегун нарочно оставил вместо себя бестолковых и неуверенных в себе заместителей, рассчитывая, что они своими ежедневными обращениями к саархаану не только введут его в курс дела, но и в итоге втянут понемногу его в армейские дела. А то он слишком уж отстранился от важнейшей части хуннского государства, а это и для него опасно. Конечно, он очень занят и

хозяйственными, и дипломатическими, межплеменными делами, но так далеко отвлекаться от армии лишь из-за того, что он полностью доверяет своему сегуну... Нет, это нехорошо – тем более, что с Тураром в любое время может случиться какое-либо несчастье, старый же человек! И что же, тогда мгновенно армия окажется обезглавленной?.. Надеялся Турар, что за время его отсутствия саархаан поймет, что в государстве главным все-таки является сила и мощь армии, и именно на этот стержень и следует нанизывать все остальные внешние и внутренние дела, какие бы важные они ни были.

Может быть, конечно, это и не совсем так... Чем бы ни занялся человек, ему искренне кажется, что это самое важное в мире занятие. Молодого Турара готовили в сегуны занятым – для начальства - способом: ему почти ежегодно меняли место службы, гоня по всем дальним и ближним племенам и родам. Трудно это было? Да порой неимоверно, особенно в первые годы. Только втянется, вникнет в местные особенности, в характеры подчиненных, как его тут же перебрасывали на другое место. Вот тогда он поймал себя на мысли, что ему всякий раз искренне казалось: значение именно этого рода-племени для хуннской армии самое важное. В итоге, послужив во многих из них, он уяснил, что в многонациональном государстве каждый род занимает свое исключительное, неповторимое место. Но это постигается лишь с опытом жизни и близкого знакомства с каждым из них, когда проникнешь в суть их характера, в особенности сознания и поведения их. А когда перед армией встает очередная сложная задача, ты, как умелый и знающий свои войска сёгун, направляешь для ее решения воинов из рода, лучше всего подходящего по характеру, привычкам и особенностям боевого поведения.

Например, в густых лесах, когда ничего не видно окрест, воины многих степных родов несколько теряются. Поэтому вперед обычно направляют урянхайцев, с лесами знакомых. А когда требуются терпение и выносливость, то лучше выбрать для задания усуней – с виду медлительных, но всегда выдержанных и упорно достигающих поставленных целей.

Во время горячих схваток, для прорыва или неожиданного удара несравненны в боевом применении жуны, выходцы с западных горных окраин. Между прочим, двенадцать жунских племен некогда вошли в состав Циньского царства. Многие объясняют именно этим усиление боеспособности и нынешний успех циньцев в завоевании соседей, хотя жуны составляют мизерную часть в общей численности их армии. Но это свойство их духа – с азартом переть на рожон, - использованное в нужном месте и в нужный момент боя, дает удивительные результаты даже при их малой численности.

Турар снарядил гонца и отправил с ним донесение о результатах разведки. Главной новостью в нем было известие о фактическом развале китайских царств Чжао, Янь, Вей, Хань и Чу... Не преминул он сообщить и о переговорах с Су Ху – сегуном Царства Ци.

Для саархаана Усумана это донесение окажется явно неожиданным, а новости неприятными. Слишком много усилий было приложено, чтобы наладить с каждым по отдельности царством многолетние межгосударственные отношения. Сколько было проведено переговоров и как непросто порой достигались эти договоренности. И вдруг оказалось, что все это было сделано едва ли не впустую...

Станным кажется и другое: по полученным сведениям и свидетельству сегуна Ци, уже несколько лет назад пали царства Хань, Чжао и Вей, но платы от их имени, согласно договору по охране караванов, исправно поступали. Как это так? Если государств давно нет, то кто отправляет подношения? Неужели царь Ин Чжен – новый молодой правитель Цинь? Если так, то зачем он это делает? Самый простой ответ: чтобы хунны подольше не подозревали о падении завоеванных им царств, опасаясь их вмешательства...

Вполне может быть... Правда, для хунна такая хитрость казалась излишней, чересчур заумной, но китайцам эта изощрённость очень даже свойственна. Странно другое: ведь повсюду идет кровопролитная война, и до таких ли тонкостей, когда везде разруха и развал?..

Да, всяких несоответствий много, и будет о чем поразмышлять саархаану. Озаботило и другое – опытные разведчики саархаана, которых он постоянно посылал в Китай, не смогли понять главного. В их сообщениях было весьма много схожего о междоусобице, которая длится уже десятки лет, но почти не было сведений об усилении царства Цинь. Тем не менее, саархаан Усуман заподозрил неладное и поручил сегуну Турару всё разузнать. Но вряд ли ему будет теперь приятно узнать, что опасения наши подтвердились.

Надо же, каким удивительным провидцем оказался Усуман, вот и полагайся на мнение о нем многих старейшин, до сих пор недовольных им и шепчущих по углам про его излишнюю нерешительность. Быстро забыли, однако, сколько его самоуверенный предшественник – семнадцатилетний Саламан – натворил бед за неполный год. Последствия ощущаются и спустя семнадцать лет.

И «хороши» оказались деятели из его – сегуна Турара – Генерального штаба. Вместо того, чтобы сделать должные выводы из донесений разведчиков о китайских событиях, заставить их на месте вызнать всю правду о подлинной обстановке, они только и делали, что радовались чужой междоусобице и злословили о ней. Из уважения к их званиям и опыту язык не поворачивается обозвать их дураками, хотя, несомненно, так оно и есть. Но кто виноват? Кто подобрал руководство Генштаба, не он ли сам? Конечно, он, хотя утвердил их саархаан, но с подачи сегуна.

Вот и получается, что и сам ты - старый дурак, и только. Ведь ты тоже не придавал особого значения этим новостям, так же одобряя китайскую междоусобицу. Нет, давно следует поменять его на молодого, вьедливого, глядящего вперед.

Всё-таки дно задание выполнено. Теперь надо дожидаться второго, и пора бы уже прибыть вестовому саархаана. А пока его не было, Турар решил отправить вперед – на запад – двух командующих с их мегенами. В боевых условиях обычно это делает особый передовой отряд под руководством опытных ветеранов. Они выбирают места стоянок, сообразуясь с обстановкой и учетом не только близости воды и возможности выпаса лошадей, но и скрытности размещения. А сегодня можно позволить молодому учиться, и пусть места стоянок Бабыр выбирает сам, как и маршрут.

Сам же Турар, чтобы не разминуться с гонцом из Ставки, остался со своими четырьмя сотнями на месте.

10. «Старый мальчик» Батамай

Сейчас по возникшим обстоятельствам в дислокации мегенов Турар предоставил Батамаю и Бабыру право самим выбрать путь и места для стоянок. И удивительно было, как обрадовался этому старый вояка: с чего бы, казалось?.. На что тот ответил:

- Почтенный, вы же дали мне возможность свободного передвижения, а это для ратного человека великое благо! Я могу устраивать днёвки и ночевать где захочу, где понравится, где будет вольготно и лошадям, и нукерам... Сам помнишь, сколько бывало в нашей жизни, когда не задерживаясь проходили мимо прекрасных мест, ибо нельзя было отклоняться от установленного пути, нельзя было нарушать приказ, а останавливаться только там, где каким-то штабным писарем указано... Так вот, смотрю, и вся жизнь прошла мимо... Вспомнишь и невольно расстроишься. Ведь получается, что всю-то жизнь жили мы по приказу очередного самодура и никогда, считай, по собственному хотению...

- Ладно-ладно, старый, ты сейчас тут договоришься до того, что вся твоя жизнь в неволе прошла, под руководством одних самодуров. И что зря ее прожил, – попытался остановить его Турар, хмыкнув про себя: «А самодур – это, видимо, я...»

- Ну, зря – не зря, а все же... – тут старый Батамай запнулся, замялся, но решил договорить: – Все-таки получается, что и правда – в неволе, если по-честному-то.

- Как это – в неволе?! – прикрикнул сегун. – Что ты болтаешь несусветное, старый?!

- Да я же не прилюдно. А между нами, с глазу на глаз можно же иногда по-честному поговорить... – Батамаю теперь ничего не оставалось, как упорно настаивать на своём. – Сам-то тоже хорош, посмотри на себя... Первый же среди невольников. Самый главный послушник, а еще и других учишь, обуздываешь, воспитываешь, ни в чём воли не даёшь...

- Я тебе покажу «волю»!.. Вот, дай Бог, вернемся – и первым делом отпущу тебя на волю, в отставку. Гуляй и не смей потом проситься назад, в нашу «неволю». Я посмотрю ещё, как ты там от такой «воли» волком завоешь...

- Напугал он... Сам не захочу. Сам уйду, надоело... Только бы вернуться!

- Не беспокойся, я тебе этого не забуду. Не упросишь даже слезно и на коленях... – сказал Турар, а мысленно согласился: «Ведь он прав, старый, еще как прав. И правотой этой задел тебя за большое». Чего стоит главному невольнику один свой свербящий душу отказ на просьбу о помощи обреченного сегуна царства Ци – Су Ху...

Ушел Батамай, а Турар так и продолжал сидеть, задумавшись, и не шелохнулся даже, когда неуверенно и робко вошли молодые тойоны, приглашенные денщиком. Конечно, они не могли не слышать последние слова вздорного разговора двух стариков и это должно было их дополнительно выбить из колеи.

Молодых тойонов во главе с Бабыром было трое. Они командовали первой отборной тысячей, и если обычный меген Батамая имел на каждого воина по одной запасной лошади, то в этом было по две заводных. В бою это прибавляло стремительности в манёврах и мощи, но в случае, когда не хватало пастбищ, такая повышенная боеспособность оборачивалась лишней головной болью.

Командующий отборным мегеном Бабыр кратко изложил план передвижения войска. Двое других, его заместители, были сыновьями саархаана Усумана, которые стали приобщаться к ратному делу лишь к пятнадцати годам, что было явно поздновато, и поэтому выглядели из-за недостаточной опытности несколько растерянными. Но

благодаря старательности и добросовестности они уже успешно навёрстывали упущенное, добились многого. Служба им была необходима по самому положению ханских сыновей, они обязаны были на себе испытать, изнутри познать все тяготы и премудрости ратного дела... И, видимо, премудростей в этом походе они хватили с излишком. Бедные мальчишки еле держались на ногах от усталости и от этого с напряжением, через «не могу», слушали распоряжения сегуна, старались ничего не упустить. Ох, и тяжела же ханская доля – днем и ночью под неусыпным контролем...

Было время, когда их отец, саархаан Усуман, так же, как они, не раз побывал заместителем в разных мегенах, участвуя в походах. И как же быстро летит время. Но плохо жить слишком долго, жизнь начинает повторяться в разных возрастных и телесных ипостасях – и твоих, и других людей, а повторы с каждым разом становятся скучней. А еще - и это печально - постоянно напоминает о том, что хотелось бы забыть...

Удивило самого сегуна и то, что ему впервые стало жаль ханских отпрысков. Для них воинская служба – временная и промелькнет как весна, поэтому им особенно тяжело. А собственного внука ему совсем не было жаль, да и за что и зачем его жалеть? Это его родовое, потомственное предназначение. Он не только должен, но просто обязан служить. Вот и пусть служит. Тяжело будет – пусть терпит, его жалеть нет смысла, он – служивый. Это его и моя судьба, наша общая доля – служить саархаану. Наше предназначение – наилучшим образом воплощать в жизнь высочайшие повеления.

Ханским же сыновьям надо не только многому научиться, но и успеть узнать и испытать на своей шкуре все воинские трудности, чтобы затем грамотно управлять государством и войсками, безошибочно принимать решения, повелевать жизнью многих родов, племен и народов.

А принимать решения – это вовсе не удовольствие, а тяжкая доля правителя. И всё равно надо будет поговорить с денщиками, чтобы особенно постарались для них, где-то освобождая от ненужных трудностей. Пусть жизнь походная не сильно их мордует, чтобы они не возненавидели ратное дело, это было бы совсем нежелательным. Всего должно быть в меру, излишне перегнешь палку – сломаешь.

Весь поход он пристально наблюдал за ними и обнаружил, что они очень похожи на своих предков, начиная с походки, привычек теребить полы одежды, подкручивать пальцами подвязки-тимэх. Да и чертами лица схожи с отцом и даже с давным-давно умершими дедом... Сколь же многих пережил Турар!

– Подойдите поближе... Вы не обращайте внимания на наши стариковские перепалки. Это у нас хоть и редко, но бывает... мы же тоже люди! Но это не ссора, и даже не взаимные разногласия, а просто выражение досады по поводу дел, совершенно далеких от сегодняшних трудностей. Так тоже бывает, когда долго живешь, как мы с Батамаем. Накапливается множество привычек, с которыми приходится мириться, и правил, которым подчиняешься порой против воли, сдерживая себя, через силу... Вот недовольство иногда и прорывается наружу нежданно-негаданно... Много лет копится и вдруг – вовсе не к месту – выскакивает. Понятно вам?

– Понятно, – покорно отозвались мальчишки. Хотя по ним было видно: слова поняли, а внутренне от этого далеки, мало пожили еще.

– Ну, ничего, потом поймете, – старый сегун снисходительно улыбнулся. – Всему свое время. Но умный человек обычно все понимает вовремя, а который не очень с умом дружит – осознает правоту чужих предостережений после того, как наделает своих

ошибок и наломает дров. Беда в том, что умных – единицы, а вот нас, задним умом крепких, большинство, у нас всякая хорошая мысль - она опосля... Вот и нужно нам, большинству, свою мысль поторапливать, чтобы вовремя она всегда приходила...

– Да? – усталые глаза ханских сыновей сразу оживились.

- Да! И прежде всего голове надо работу задавать, а не рукам. Пусть голова всегда опережает ваши руки...

Сёгун остался доволен: мальчики надолго запомнят этот разговор, как ни странно – именно благодаря вспыльчивости Батамая. Не всякий раз так случается, чтобы плохое принесло пользу. Вот пусть и думают, им и их поколению предназначено вершить великие дела, и от их деяний совсем скоро будет зависеть судьба Империи.

Когда мальчики ушли, получив задание, Турар усмехнулся, покачал головой, благо никто не видел его в этот миг. И с неким злорадством представил себе старого Батамая, вымаливающего у него очередное прощение, чтобы увязаться с ним в следующий поход. Сколько раз так было, и на этот раз, несомненно, будет так же.

Вернутся из похода, и первые месяца три старый чудак даже не покажется Турару на глаза. А потом, как услышит о новом походе, под любым предлогом начнет кружить вокруг, при встрече заглядывать в глаза, заискивая и ожидая лишь кивка. И как бы ни старался старый Турар нагонять на себя суровую неприступность, в конце концов и он не выдерживал и сдавался, ему всегда было очень жалко чудака, с которым всю жизнь прожил-провоевал рядом. Ну, дурачина он... Что с него возьмешь, если и с годами он не умнеет, не меняется? Его уже не исправишь, такой уродился.

По всей имперской армии в составе высшего командования их сверстников, способных участвовать в трудных походах, осталось только они двое. Подавляющее большинство погибло на поле боя, а те, кто выжил, – сидят в Генштабе или давно разбрелись по своим родам. Так получилось, что еще мальчишками они с Батамаем начали вместе ходить в дальние походы и с тех пор вместе, при всей-то их человеческой разности, так и прикипели друг к другу. И потому жалко на старости лет насильно отлучать его от армии, еще и умрет от обиды, зачем Турару лишний грех... Батамай же всю жизнь так себя и ведет: в войсках ему тяжело от неволи, от подчинённости дисциплине и приказам, а на воле скучно даже не от безделья, а от ощущения ненужности, от своей невостребованности. Бедный, как он там тяготится всякими хозяйственными делами! Особенно сильно ему докучают жены, каждая день-деньской пристаёт со своими глупостями и мелкими нуждами, и куда от них деться – он не знает. Убежать от них можно только на службу, и хунны не придумали еще другого более уважительного повода, чтобы улизнуть мужчине из дому.

И потому, сколько он ни бурчи, уютнее всего ему в войсках, а не дома. Просто такой он человек – нытик, ворчун. Всем он вечно недовольный, ворчит, жалуется, и сил порою никаких нет терпеть это нытье. Он и мальчишкой был таким и умудрился дожить таковым до преклонных лет. Но все эти сложности во взаимоотношениях друг с другом как-то вот не помешали старым друзьям продолжать службу в армии плечом к плечу и наравне с куда более молодыми ездить в дальние походы. Кто еще из ровесников сегодня на такое способен?

И, скажите, разве это не великое свойство жизни – свести вместе и неразлучно две такие непохожие судьбы, две совершенно различные натуры?!.

Если Турар всю жизнь был способен быстро меняться, мужая в боях и походах, став в итоге командующим огромной армией, то Батамай словно бы и не замечал прошедших лет, оставаясь юношей по своей внутренней мыслительной сути, а если и изменялся, то лишь внешне. Военскую науку он, правда, осваивал неплохо и довольно быстро рос в званиях и должностях. Но сколько над ним ни подшучивали все вокруг, ни поучали, был он и оставался всё такой же обидчивый и одновременно доверчивый. Одним словом, большой ребенок: порывистые, резкие движения, всегда и везде двигается почти бегом, при общении проявляется какая-то подростковость в мыслях и интересах, а потому и неудивительно, что общаются они с Бабыром непосредственно и на равных.

Вот так сорок лет он дружит с Тураром, а сегодня с такой же детской привязанностью с его внуком. И поразительно, насколько его подростковые мысли и интересы не изменяются от опыта долгой жизни. И со стороны, кстати, видно, что семнадцатилетний Бабыр намного степеннее и рассудительнее его. Удивительный, странный «старый мальчик» этот Батамай.

11. Судьба человека и государства – промысел Божий

Судьба до поры до времени скрывает от человека множество сокровенных тайн о грядущих событиях. Говорят, Усун Джурантай – писарь Всевышнего, начальник его небесной канцелярии – еще до рождения человека высекает надпись на священном столбе, в которой отмечены все вехи его будущей земной судьбы. Значит, судьба человека планируется заранее, и вышними силами уже предначертано, какое место она займет в сонме судеб других людей. И каждая отдельная судьба множеством нитей переплетается с судьбами великих империй и малых государств, родов и племен. Но теснее всего человек связан со своей родней. Его удачи и неудачи могут принести радость или горе не только ему, но всем, чьи судьбы переплетаются с его участью. К сожалению, земным сознанием нельзя постигнуть Божий замысел. Потому и не понять, следуя каким мерилам-показателям заранее прописываются события в судьбе человека? Одни, как мы с Батамаем, доживают до преклонных лет, а иные, ничем не хуже нас, а то и намного лучше – погибают в пору цветущей молодости. Надо полагать, в угоду общему замыслу, но этого нам не дано знать... Так, оставшись один, предавался своим размышлениям сегун Турар.

«Человеческое сознание никак не может объяснить это, моё же, старого воина, тем более. Иногда кажется, хотя и грех так думать, что в тамошней канцелярии часто по какому-то недоразумению вершится великая несправедливость. Почему и на каком основании один живет настолько долго, что и жить-то ему надоедает, и он искренне желает достойно уйти, но ему не даётся эта радость. А иной только начинает жить, только разворачиваются его недюжинные способности и талант, как, оставив безутешных родных, он стремительно уходит... Куда уходит, зачем, почему? Неужто и эта беда тоже заранее начертана Усуном Джурантаем на хрустальном столбе? Представляю себе, как устаёт от обилия дел даже этот всемогущий ангел - и тогда, возможно, он тоже путает, что и для кого надо было записать... Трудно смириться с тяжестью этой пяты предопределенности, особенно когда это касается конкретно тебя, лично твоей судьбы и, несомненно, затем твоих близких, детей, внуков... Угнетает невозможность оспорить, изменить или хотя бы смягчить судьбу. С тебя требуются только покорность и смирение, чтобы принять то, что дано. Человек ведь поставлен в ситуацию, когда у него отсутствует

право выбора перед опасностью, - тогда как любой зверь способен убежать, спрятаться. А человек должен пройти все предписанные для него заранее жизненные невзгоды, потому что от судьбы не убежишь...» И как иначе остается думать старому воину, философу поневоле, когда вдруг без всякой на то причины встаёт перед глазами из небытия, как наяву, сын его Арслан, погибший семнадцать лет назад... Вот он несётся во весь опор во главе передового мегена в сверкающих на солнце доспехах и на лице его такая дорогая для отца улыбка счастья, а золотистые кудри его озорно треплет ветер...

В большой семье всякое бывает, тем более, когда семья такая огромная, как Хуннский ил. Нередко случаются недоразумения, которые приходится разрешать, используя весь накопленный опыт, и со временем они проходят, забываются. Но упаси Тэнгри свой народ от междоусобицы! Не дай Бог хуннам заболеть китайской болезнью – воевать со своими братьями. Правитель никогда не должен доводить внутренние мелкие недоразумения до настоящего военного противостояния. Трудно даже представить, какая такая нужда смогла довести такую могучую страну, как Китай, до братоубийственной войны и разрухи. Непредставимо и то, какие еще потребуются усилия, чтобы зарубцевались эти глубокие кровоточащие раны на теле единой страны. Ведь всегда существует великое множество возможностей не довести разногласия до открытого конфликта, до точки невозврата. Легче, конечно, принять какое-нибудь боевое, с расчетом на быстрый успех решение, но сгоряча не наделать бы бед, ибо последствия скоропалительности подчас не исправишь и многими годами трудов, тех же ошибочно казненных – не воскресишь...

Кто-кто, а Турар-то хорошо знает, какой глубокий след оставляет в памяти нескольких поколений даже самый незначительный раздор между своими. Такое было с усунями и уеджи... Очень надеется он, что саархаан Усуман крепко усвоил тот горький урок и не должен повторить ошибку вспыльчивого и горячего племянника покойного саархаана Саламана, склонного рубить с плеча.

Служить Турар начинал еще при Атамае – дедушке нынешнего саархаана Усумана и покойного Саламана. А продолжил при Абылхае, при нем и стал сегуном. И так давно это было, что из очевидцев тех дней в живых никого, считай, не осталось. Но ему-то кажется, что всё это было только вчера...

Во всех отношениях Абылхай был достойнейший человек и незаурядный саархаан. Он мало говорил, поэтому ставил задачу, как бы недоговаривая некоторые подробности, чтобы ты сам додумал, отталкиваясь от конкретного состояния дел. Он определял всегда только главные направления, никогда не лез в мелкие подробности задания, чтобы исполнитель не чувствовал себя скованным, сам решал, как исполнить его.

Это при нем окончательно сложились нынешние доблестные хуннские войска. Он смог преодолеть явный упадок Ила, о чем существует множество свидетельств. Как много он умел предвидеть, когда исподволь добивался взаимопонимания между командирами отдельных подразделений, что в итоге скрепляло прежде разрозненные воинские части, объединяющие внутри себя несколько родов. При нем было как-то легко, не тягостно служить, и в чем выражалась она, радость служения, было не очень понятно, необъяснимо, но это же было. Может, из-за главного требования Абылхая – всегда и везде поступать по справедливости? И тогда каждый хунн ощущал себя спасителем, освободителем, защитником, а не разбойником и грабителем с большой дороги, как на

самом деле иной раз случалось. Всякое бывало, конечно, но это главное правило выдерживалось.

Служба – дело нелегкое, конечно. Часто, когда человек не видит в ней не только главного, но и просто любого смысла, ему трудно найти объяснение, ради чего он денно и ночью должен нести эту повинность, ради чего должен жертвовать собой, чтобы отвести беду от всего Ила. Без радости обретенного смысла служба воспринимается как тяжелая, вынужденная и навязанная обязанность. В армиях любой страны так чаще всего и бывает. Но при Атамае и его сыне Абылхае всё с этой воинской обязанностью было ясно и без лишних вопросов к себе самому. Да, не было необходимости задаваться вопросом: «Зачем и во имя чего служим?» А вот при Усумане воины, привыкшие к обстоятельности Атамая, а затем и Абылхая, несколько утратили эту прежнюю бесспорную уверенность. Почему так случилось, никто до сих пор не может понять. Значит, произошло нечто, отчего воины стали всё больше превращаться в безучастных исполнителей. А этого допускать никак бы нельзя. Но это понемногу происходит, и кто тут виноват? Может, это он, постаревший сёгун, всему виной? Сёгун, который должен с полуслова, полунамёка, по выражению лиц понимать своих воинов и командиров... Что ж, возможно, что из-за существенной разницы в возрасте он и перестал их понимать. И всё это доказывает, что ему давно уже пора на покой...

И на слове «покой» сёгун забылся беспокойным сном.

12. Долгожданный посыльный

Утром, когда остывшее, казалось, за ночь солнце стало тяжело подниматься над горизонтом, среди сидевших неподалёку от шатра кёс-сёгуна повисла вдруг в воздухе странная тишина: это вскочил юный остроглазый охранник, что-то углядевший на горизонте, и все разом замолчали, как по команде повернулись лицом к северу.

Именно оттуда вот уже много дней тщетно ждали всадника на пегом – масть ханских гонцов - коне. И наконец горизонт подарил ожидаемое: с той стороны кто-то приближался... да, двое всадников, но масть лошадей пока нельзя было различить.

Наконец юноша-охранник возбужденно воскликнул:

– Да, кажется, они... Посыльные!

– А почему, с чего ты решил? – спросил востроглазого старик, давно уже плохо видевший и оттого недоверчивый.

– А конь у переднего пегий... да, пегий!

– Наконец-то... – тяжело вздохнул старик, на этот раз поверив. – Тэнгри всемогущий, испытай наше терпение, соизволил-таки снизойти до нас своей милостью. Доложите сёгуну!..

– Есть доложить...

Турар, сидя в шелковом шатре, прекрасно слышал этот разговор. Но не спешил выходить даже и после слов о масти коня.

⁶ Кёс-сёгун – походный командующий.

Как и полагалось, охрана остановила всадников на почтительном расстоянии. Те спешили и, разминая затёкшие от долгой езды члены, сначала медленно, а потом убыстряя шаги, пошли шатру.

– Долго же добирались! – в сердцах воскликнул начальник охраны. – Мы тут все глаза проглядели, ожидая...

– Мы-то что... Мы не виноваты. Когда дали команду, тогда и отправились. Скакали, как могли быстро. Это не шутка – пятьдесят кёс за трое суток!..

Пользуясь случаем, начальник охраны не преминул громко съязвить насчёт всего Генерального штаба:

– Там, наверно, всегда так: протянут - и никому ничего за это... Кивают друг на друга. А в итоге – всегда посыльный виноват.

Подойдя к белому шёлковому шатру кёс-сёгуна, гонец привёл себя в порядок, отряхнувшись от дорожной пыли. В это время начальник охраны, по обычаю, обошел сурт с тыльной стороны и доложил:

– Господин кёс-сёгун, из Уорука⁷ прибыл посыльный с серебряным ярлыком.

– Что ж, проводи.

Посыльный, весь погруженный в свое ответственное поручение, даже не стал лично представляться, полагая, видимо, что старый командующий его и так хорошо знает, и сразу приступил к делу, говоря от имени исполняющего обязанности бас-сёгуна⁸: «Я – Мандай-Баатыр, оставленный замещать Вас, после долгих совещаний со сведущими, по утверждению саархаана, повелеваю: по получении данного донесения незамедлительно выйти к саратаям и принудить их к исполнению взятых на себя по мирному договору обязательств...

Задача – вытребовать у них возмещения недоимок за последние три года. Брать только золотом и серебром. Ничего другого в оплату долга не принимать. Если казны не хватит, недостачу собрать у состоятельных горожан. Купцов не трогать. Малейшее сопротивление или изъявление непокорности – карать беспощадно... Я сказал...»

– Вы сказали - я услышал... – ответил Турар словами согласия и подчинения, вздохнул облегчённо.

Хорошо уже то, что ему не придется входить в стычки со своими единокровными братьями, пусть и живущими на китайской стороне, чего он очень опасался. На старости лет не хотелось ввязываться в сомнительное грязное, греховное дело, за которое «там» – на небесах – придется держать ответ.

Когда всё в твоём бытии подходит к естественному жизненному концу, никак не хочется отягощать себя грехами участия в новых межродовых войнах. Грехов, должно быть, и так много накопилось за жизнь, да и как без них ратному человеку?.. Хотя, и в этом он давно пытался убедить себя, для нашего брата должны быть предусмотрены «боевые» послабления и льготы, не он же лично развязывает все эти войны, да ведь и не может он не защищать родное, а значит и убивать врага... Иначе без учёта такого воинского долга нас всех поголовно ждет преисподняя, владения Аджарая...

Помолчав еще немного и поймав вопросительный взгляд посыльного, Турар вызвал начальника охраны:

– Долгожданного, дорогого посланника с сопровождающим принять с почётом: угостить, чем можем, уложить в мягкую постель, отблагодарить достойными подарками...

– Вы сказали...

⁷ Уорук – Главная ханская ставка.

⁸ Бас-сёгун – главнокомандующий.

13. Все прояснилось

Значит, таков оказался второй, ожидаемый им приказ... И сразу Турар избавился от сомнений и тревог, словно вдруг рассеялся густой туман и стало далеко видно вперед. А еще вчера гадания его были самыми неопределенными: пошлёт ли на Саратой, нет ли? Если три года терпели – не потерпеть ли, по известной выжидательности саархаана, ещё столько же? В его расчёты и мысленные раскладки не влезешь... А сейчас стало ясно, что саархаан выбрал из множества предстоящих для разрешения сложных задач-замокочек, обрушившихся на хуннов из Китая, самую простую и разрешимую, не вмешиваясь пока в дела великого соседа и выжидая...

Теперь уже начало казаться странным, почему они так тянули с этим приказом. С чего бы им так долго сомневаться и тянуть? Вполне могли бы определиться быстрее и посыльного прислали бы дней на десять раньше. Но, видимо, были какие-то ему неизвестные причины. Наверное, спорили-рядили, справится ли двумя мегенами и не поздновато ли спохватились... Но всё-таки решились, разродились указом. Для ожидающих приказа и застрявших в самом пекле пустынного жара – да, поздновато, но для принимающих в тенистой Ставке долгожданное здесь решение, да еще на основании самых противоречивых доводов – в самый раз... Ну да ладно, теперь, когда всё прояснилось, и ему принять хорошо взвешенное, досконально обдуманное решение стало намного проще.

Нет, удивительное все-таки существо человек: он – опытный, ныне временно исполняющий обязанности кёс-сёгуна, походного командующего, – в очередной раз поразила своей собственной предвзятости. Стоило только мысленно принять возможность иного выбора, предложенного начальниками, как тут же изменился не только его взгляд на событие, но вроде как и его человеческая позиция. И в результате он уже как бы другой человек, у него уже не просто другая точка зрения, но она стала теперь критической и недружелюбной по отношению к его же вчерашней...

Как тут самому себе не поражаться...

Ведь саархаан оставил ему должность бас-сёгуна... И после этого как не понимать состояние подчинённых, на много ступеней ниже его стоящих, вынужденных беспрекословно выполнять не только иногда сомнительные в их глазах приказы, но даже терпеть и явный произвол вышестоящих. А ведь он не один... Понукающих, следящих за всем и вся и иных командиров множество. У него одного, как командующего всеми походными армиями, аж девять заместителей. А у тех еще больше. И каждый приступает к исполнению его приказа, привнося свое понимание, а оно бывает не всегда правильным. В итоге этой путаницы порой даже не понять, кто и как повлиял на неверное исполнение приказа, кто виноват.

Для ратного человека привычно выполнять простые и ясные приказы, если они не расходятся с его возможностями. А когда командующие оторваны от действительности и

перегибают палку, вынужденно ошибаясь, ошибки вышестоящих особенно видны как раз «снизу». И потом спрашиваешь себя, как же они там, наверху, не углядели? Надо было просто дать возможность командующему принимать решение на месте... Так нет же – гнут свою линию.

Печально это, и даже очень. Почти всю свою сознательную жизнь Турар был на высоких командных должностях, а в такие тонкости особо не вникал. Не задумывался над этими хитросплетениями всех и всяческих ситуаций. И постигае их суть только сегодня... ох, не поздно ли?! Конечно, относительно всего уже совершённого получается поздно. Было бы куда полезнее, пойми он это раньше.

«Признаться, я был и есть суховатый на раздумья командующий, простой вояка, особо не вникающий в тонкости, не внимающий мнениям и настроениям подчиненных, а надо бы...»

Что и говорить, расстроила Турара запоздалость этих перед собой откровений. Лет ещё тридцать назад, а может, и без малого сорок, надо было серьезно задуматься над этим. Да где там! И что теперь локти кусать? Жизнь прожита. Горько осознавать это, но теперь главное – успеть как-то рассказать молодым про эти невольные открытия. Постараться пересилить их нежелание слышать старого ворчуна и, может, принудить даже – иначе это их «сами с усами» обернется повторением ошибок Турара. Он давно заметил, что подчиненные перестали доверять ему свои сомнения. Они стали сухо, по-казённому отстранённо относиться к нему – с понятной вполне ему опаской... Менее опытный человек воспринимает это как уважение, но кто-кто, а он-то знает, что на самом деле это далеко не так.

А вот к его покойному сыну Арслану отношение молодых было восторженно доверительное. Он умел быть везде в доску своим, с каждым был свой – независимо от возраста, положения в обществе, звания и должности... Непонятно Турару, как он без всякого напряжения, одинаково свободно умел общаться и с родовым старейшиной, и с генералом. Это видели и отмечали многие. Нет, поистине удивительный был мальчик. Почти каждого встречного он умел сразу, с первых же слов расположить к себе, вызывая на доверительное, свойское отношение к нему. Где и когда он научился этому, отцу и сейчас было непонятно. О чем он со всяким мог поговорить и договориться? Ведь был-то совсем мальчиком, без всякого жизненного опыта...

Бывало, скачет Арслан вместе с передовым охранением по далеким окраинам ничейных степей, увидит отару овец с одиноким чабаном, спешится, поздоровается, сядет с ним рядом на землю, поговорит и об овцах, и о пастбище, о погоде. Пастух, вместо того, чтобы насторожиться из-за появления неизвестного вооруженного человека, скоро доверится ему и выложит всё об округе: где и кто расположил стан, как живет, что и как управляется в этой местности. С каждым Арслан умел быть наравне: с пастухом – пастух, с охотником – охотник, с воином – воин.

И был бы малость постарше, поопытнее, а тут – совсем безусый юноша. И откуда в нем взялись такой такт, такая тонкость подхода к людям? Конечно же, это было врожденное, с малых ведь лет такой.

Старый сегун, как отец, теперь понимает, откуда у сына такой талант. Но разве от этого понимания ему становится легче? Наоборот, постоянно чувствуется на себе давление предопределенности. Обрезающей предопределенности, против которой человек бессилен, ибо она опирается на родословные великих правителей, откуда была родом его жена, мать Арслана.

А представители великого рода наделяются самыми разными человеческими достоинствами. И за это на них возлагается обязанность решения труднореализуемых для обыкновенного смертного задач. Во исполнение возложенного свыше и наделяются они теми удивительными способностями, без которых невозможно править родом, страной, союзом племен и народов.

Тяжкая их доля: быть изначально нацеленными только на исполнение предназначенного. И не допускать никакого самоволия, самодурства. Жизнь их похожа на летящую стрелу, выпущенную Тэнгри в цель, ведомую только ему... А все, кто имеет несчастье оказаться вовлеченным в высшие деяния, теряет всякую личную волю, свободу, возможность управлять своей судьбой, они становятся только слугами небес, рабами на всю жизнь, а если повезёт – и после...

Теперь, на склоне лет оглядываясь назад, он понимает, что там, в прожитой долгой жизни, всё было сделано по велению высших сил: ничего личного ни в мелких, ни в крупных делах, ни в праведном или неправедном, в любых заслугах и провинностях перед ближними и дальними...

Хвала Тэнгри за то, что всё удалось доделать, не сойдя с предназначенного пути. За то, что верша поручаемые ему и обычные для ратного человека неправедные дела, не переусердствовал, не добавил своего собственного зла.

Как всякий человек, он всю жизнь втайне мечтал пожить где-то на краю мира – у Синих Озер, рыбачить, охотиться, пасти овец... Хоть немного, год-другой, пожить только своими маленькими интересами, вдали от великих событий, на отшибе, за околицей обжитого края. И вот почти полвека он военачальник, но душа полностью так и не смирилась с ратной судьбой, избранной не им. Видимо, посылался он в мир человеком мирным, мягким, податливым и, в общем-то, не сказать чтобы сильным, а скорее даже слабым...

Но всё случилось помимо его воли и жизненных обстоятельств. Скорее даже – вопреки, по какому-то великому предписанию. И тяжка была его ноша. Начнешь вспоминать о своих деяниях, размышлять – и не только запутаешься в правых и виноватых в этом, но и сам себе перестанешь верить: с тобой ли всё это было?..

И Всевышний знает – не моя вина, что выбор пал на меня, я тут, можно сказать, ни при чём. Не я выбирал путь воина. А в том, что избрали меня, я не виноват. Просто я не посмел ослушаться и подчинился, а покорившись – превратился в безропотного исполнителя чужой воли...

Турар прикрыл глаза – и возникла перед ним извилистая равнинная речка, и прозрачные волны, набегающие на отмель... Нет, нечего и мечтать, никогда ничего еще в его долгой жизни не было по его воле. Он и не знает, по сути, что такое своя воля... Не знал никогда, но печальнее то, что так никогда и не узнает, похоже, что такое настоящее, истинное собственное волеизъявление. И столько пришлось пережить потерь близких и родных людей, и не в оплату ли за это безволие, покорность судьбе?

Как же человек бессилен перед участью, предопределённой небесным Сугулааном⁹ Тэнгри! Из-за этого именно возникают иногда жгучая обида и вопросы без ответа: почему? за что?.. Недоступен небесный Сугулаан, туда не достучишься, не услышишь никаких объяснений. Как было предопределено, так и случилось. Не раз и не два в голову сёгуна закрадывалась крамольная мысль, что временами и там случается некая неразбериха, подобная тем, что бывают у них в Генеральном штабе... А значит, и там

могут что-то перепутать, забрать у одного положенное и отдать другому. Конечно, грешно такое и подумать, но чем иначе объяснишь наш земной бардак?

Смысл жизни недоступен никому на Земле. Он находится вне пределов земного мироустройства и человеческого понимания... Поэтому всем ныне живущим остается только терпеть, постоянно пытаясь самим найти пути преодоления посланных испытаний. Нам только на это и предоставлена свободная воля. Изю всех сил преодолевать препятствия, во что бы то ни стало достичь поставленной цели! А в остальном главенствует неоспоримая и незыблемая воля Всевышнего Тэнгри.

(Окончание следует)

*Перевод с якутского
Владимира Крупина.*

⁹ Сугулаан – (здесь) Высший Совет.